

РОМАН КОЖУХАРОВ

ДНЕСТР ВПАДАЕТ В ЧЁРНОЕ МОРЕ

РОМАН

Часть II

КЛОДИЯ

I. Облако

Нет, по мнению добрых людей, если Волга течёт в Каспийское море, так это потому единственно, что она питает особенное, невещественное, идеальное сочувствие к Каспию, и в силу такой идеи она должна была непременно дойти именно до Каспия, хотя бы целые Альпы встретились ей на дороге.

Добролюбов

— “...не своею волею, но волей меня пославшего”.

Она взялась непонятно откуда. Будто вылепилась во тьме из красной пищевой меди. Рыжие волны волос ниспадают к тяжелоокруглым грудям, обрамляя распахнутый блеск червонных очей, сосредоточенные, камедью набухшие губы, едва не доходя парикмахерски чёткой границей к соскам — двум изюминам на выпуклых, кверху донцем повернутых медовых блюдах; плоский живот тяготеет к средоточью пушка, гравитации бёдер, расходящихся широкой трапецией; ржаной пушок прикрывает срамную бороздку и книзу — сквозит между ладно наполненных ног непроглядная тьма.

— Пославшего? На чьих ты на посылках?

Она остаётся на месте. Вместо ответа, будто в строю, на пятках поворачивается на сто восемьдесят градусов. Сплошная волна кумулятивной меди, колыхнувшись, ложится к лопаткам.

Внешние контуры медной посланницы от темени до тонких щиколоток кутает тьма. Она загущается странной подсветкой: словно бы невидимо-рыжее пламя изнутри допекает ржаную плоть до спелой готовности.

— В любом случае, ваша посылка пришла не по адресу.

— “...По адресу. Ты вернулся на родину. Пришлось поискать. Для пославшего меня это вопрос не времени, а пространства”.

Голос её звучит так сухо, что эта сухость передаётся ощущением сильного приступа жажды.

— — — “...ты отводишь глаза. Не стоит прятаться от того, что *должно*. Не довольно ли с тебя?”

В слове “должно” она сделала ударение на первый слог.

— На брудершафт мы с вами не пили. А вы тычете...

Фразы едва выбираются из пересохшего горла ответчика.

— — — “*Тычете?* Тэча читик. Можно ли напиться, не промочив горло?

Нельзя перейти реку вброд, не промочив ноги. Как молвит пославший меня: когда пелены и покровы сняты, обиняки ни к чему”.

— Но пославший тебя носит маску. И твой голос...

— — — “Мой голос? Что тебя смущает?”

— Твой голос слишком хорош. Как и вся ты. Он неживой, как у девушки из навигатора.

— — — “Красота — совершенное соединение всех частей. Природа не терпит голей сингулярности. Нагота из нестерпимости того рода, который исключает обиняки. Как молвит пославший меня: всё прочее — гиль. Голое тело... Не в этом ли суть оголтелости? Отправная точка маршрута, ведущего от нетерпимости, застящей очи, к тотальной терпимости. Ты прав: я и есть твой навигатор. Я приведу тебя к искомой тобою цели.

Наивное заблуждение: считать, что движение из точки А в точку Б завершается в точке Б. Омега для вышедшего из точки Альфа — добыча, нещечко, но никак не конечная точка маршрута. Обретший заветное знание — образ искомой Омegi — должен в конце концов вернуться туда, откуда начал свой путь, то есть в Альфу. Исходная точка А — вот конечная точка маршрута из точки А в точку Б”.

— Ты морочишь мне голову... Кому и зачем я понадобился?

— — — “Вот и ты тычешь? Не свидетельствует ли это о том, что ты, наконец, уткнулся? То есть подобрался вплотную к тому, что искал? Чем не аналог глотка виноградного брудершафта?”

Эти влажные “ли” в её речи, словно роса, смачивают пересохшее горло.

Строго-сосредоточенное лицо её озаряется улыбкой. Словно мокрая ткань ложится на температурающий лоб. Взор её замер. Гречишно-медовые очи глядят, не моргая. Люминесценция в карей их глубине усиливается, обдавая влажным обжигающим блеском.

— — — “Зачем городить огород частоколом чужих мыслей? Зачем, подобно Хоме Бруту, очерчиваться от *очевидного*? Окружность должна быть превывистой”.

— Как у тебя на спине?

— — — “Что у меня на спине?”

— Риски.

— — — “Риски?”

Она умолкает, будто сбитая с толку. Поворот длинной, стройной её шеи обнажает напряжение в лозы сплетённых жилок и мышц. Шея её в повороте похожа на вознесённую башню.

Замешательство длится долю секунды. На полпути, словно спохватившись, она прерывает произвольную попытку оглянуться: “Что там, за спиной?”, или — “кто?”, и продолжает тем же ровным, механическим тоном:

— — — “Это троетирие. Собственно ЦИРК — то есть, всё что внутри, и не-ЦИРК, то есть всё, что снаружи. Троетирие всё объёмлет, ибо воплощает волю пославшего меня”.

— То есть тавро? Тебя клеймили, как скот на животноводческой ферме.

— — — “Вот ты и устремился к разоблачению. В нём вся суть. Не должно быть ни тени тайн, обиняков и экивоков. Лишь истина — голая, как посланница облака”.

— Ты посланница облака?

— — — “Меня зовут Клодия”.

— Клодия? От cloud*? Разоблачиться, значит, выйти из облака? Это имя ты получила вместе с клеймом?

* Cloud (англ.) — облако.

— — — “Ты догадлив и дошлый”.

— Не хвали меня. Дошлый — тот, кто дошёл до цели. А я всего лишь — доходяга.

— Это не моя похвала. Это молвил пославший меня. Ты сумел пересечь море и вернуться на родину. Теперь ты пьёшь так, будто норовишь вылакать пучину. Но зачем? Ведь ты её уже пересёк. Не потому ли питье не утоляет твоего сушняка? Пославший меня называет это: *бухарест*. Таково название моря внутри, в котором ты канул? Впрочем, неважно, как оно называется. Главное, что оно — винно-чермного цвета. Знаешь, что повинен насквозь, провинившийся, без вина виноватый.

— Разоблачаешь? Впрочем, как знаешь.

— — — “Не я, но пославший меня. Тэча читик”.

— Точится вино и точится лезвие.

— — — “Повелитель будет рад услышать эти слова. Слово бойца. Как звать тебя теперь, в виду родного, мглисто-зелёно-речного тока?”

— Сама говоришь, что имя не имеет значения. Нестор... Зови меня так.

— — — “Так! Успешно вернувшийся! Имя не доходяги, но дошлого. Пусть очевидное нестерпимо, как прохлада отточенной стали. Я утолю твою жажду, претворю твою сушь в бездонное море терпимости. Сказано: красота спасёт мир. Не руководство ли к действию? Или, к примеру, слово, выкинутое из песни: “Симона, девушка моей мечты!.. Симона — королева красоты!..”.

— Эта песня... К чему ты её вспомнила?

— — — “К слову пришлось. Пославший меня напевал её, когда повелел тебя посетить и выказать тебе собачью преданность”.

— Не нужна мне от человека собачья преданность.

— — — “Когда я начну потакать твоим прихотям, ты поймёшь, что заблуждался. Я подниму тебе веки и выведу из мути на чистую воду. “О, Огола, о, Оголива!” — молвишь ты. Точь-в-точь, как молвит мой повелитель. Тэча читик! Восклицание “А королева-то голая!” сулит совсем иные последствия, нежели всем известное сказочное, про голого короля. Ведь согласишься? согласишься...”.

Она повела едва покачнувшимися грудями. В горле опять пересохло.

— Ты всего лишь фантом. Голограмма. В этом суть твоей оголтелости. Симона... Так звали девочку, найденную в цыганском омуте.

— — — “Любопытство порой заводит слишком далеко. Так, например, в советские времена была киноистория о том, как Мария и Мирабела попали в страну Транзисторию, очутившись внутри телевизора. Зебул считает Транзисторию прообразом облачной вселенной ЦИРКа. А ведь музыку к кинофильму о приключениях Марии и Мирабелы в Транзистории написал не кто иной, как маэстро Еужен Дога. Зебул-младший сейчас, как одержимый, трудится над композицией, где обыгрывает нетленные мелодии мастера. Рабочее название песни: “Транзистория”. Заменив одну только букву, Наф-Наф Дога сумел непомерно расширить содержательную проблематику произведения: здесь и думы о судьбах родины, оказавшейся как бы за потоком истории, на том берегу запредельного существования, в ирреальном пространстве и времени виртуального, облачного транс-бытия. Да, в “Транзистории” искусство доходит до своего предела и кончается. А Наф-Наф Дога шагает дальше, туда, где ”дышит почва и судьба”. Небывалый творческий прорыв, как убеждён Наф-Наф Дога, обусловлен тем, что ему удалось разгадать тайну мелодий маэстро Еужена Дога, написанных для фильма о Транзистории. Речь в сценарии фильма шла о виртуальном мире, рождённом транзисторами, но чуткое ухо маэстро в слове “Транзистория” улавливало отзвук совсем другого слова. Похожее на шипение змея, абсолютному слуху маэстро оно казалось затаённо-напевным, отзываясь в сердце ласкающей мукой безвозвратной горькой утраты. Транзистрия — таково было имя его малой родины, которую кондуктор Антонеску обещал на миллион лет вперёд, но которую так своевольно и безоговорочно беспощадная Красная армия отняла у великой союзницы Третьего рейха. Отняла у него. Советская империя дала ему всё — признание и достаток, но забрала самое дорогое, заветную малость. И он, живя припеваючи в самом сердце необъятно огромной страны, исподволь, год от года в сердце копил

необъятную горечь и ненависть к этой стране. Как одержимый, трудился маэстро за роялью над новым замыслом. Он создавал тему Транзистории, но подспудно всё его существо пребывало в Транснистрии — стране его сердца, окутанной золотой дымкой детства, исполненной песен и шуток румынских и немецких солдат-освободителей. Мелодии, рождаемые за роялью, словно укутывались в невесомо неуволимую отравленную тунику. Призванные порадовать советских детишек, звуковые гармонии пропитывались ядом ненависти к советской стране. Этот яд и учуял Наф-Наф Дога, подобно алхимику древности, распознал его состав и использовал в дело. Отныне каждую свою песню он наделит секретным составом, подобно тому, как охотники смачивают наконечники стрел ядом кураре. Он пустит свои оперённые перлы во все стороны света, и от них не будет спасения, ибо нет от этого яда противоядия.

— В детстве мне нравилась другая песня — про прекрасное далёко.

— — — “Прекрасное далёко? Дверь туда закрыта наглухо и заложена кирпичом. Нет никакого будущего. Есть только здесь и сейчас. Однако ты следишь за новостями? Каким образом? В потёмках, в заметённом метелью погребке, в заваленной снегом саманной глиняной развалине, из которой за всю зиму не выбраться. Без гаджетов, у радиоприёмника батареек сели месяц назад. Из еды — чёрствые сухари, мешок подсолнечных семечек, из питья — пластиковая канистра с баконом, которого — на доньшке. Остатки винища с мышинным запахом ты разводишь талой водой, чтоб растянуть на подольше, а заодно — разбавить тяжёлый метиловый привкус и облегчить похмельное давление в височной области. Ты застыл. Я тебя вызволю”.

— Весть отличается от новостей тем, что за нею не надо следить. Она находил сама. Нашла меня. Не весть. Весточка.

— — — “Я твоя весть. Послана утолить твою жажду и тем исполниться”.

— Моего вина мне хватает. И пить его никого не заставляю.

— — — “А ты заставь”.

— Голограмма пить не способна.

— — — “Лей и увидишь, голограмма ли. Я способная очень. Попью твоего — тяжёлого, как спиртуозное Рошу де Бульбоака*, которое будто креплённая, булькающая кровь земли. А ты испей моего”.

— Это что?

— — — “Миорица”. Или “Долли”.

— Тут нет ничего. Бокал пуст.

— — — “Пригуби. Не забудь загадать желание. Золотые рыбки, которые в нём плещутся, не замедлят его исполнить”.

— Ничего мне не надобно.

— — — “Пей. Разводить свой сивушный бакон теперь тебе будет нечем. Снег сошёл”.

— Как сошёл?

— — — “Как сходят с ума те, кто прежде был себе на уме. Снег сошёл. Обнулится. Зима закончилась. А тебе и невдомёк. Нам же ведомо всё обо всех. И ты не исключение. Впрочем, это не имеет значения. Как с именем. Имя — всего лишь отсылка к воле меня пославшего. А то, что кого-то как-то зовут, а вернее, звали, всего-навсего совпадение. В прошлой жизни и меня как-то звали, а нынче я по паспорту Клодия. Или Клава. Так зовут меня чаще. Нажми на мои клавиши и увидишь...”

— А в прошлой жизни... Как тебя звали? Таисья?

— — — “Разницы нет... Тая ли, Галя ли. О, Огола!.. О, Оголива!.. Ведь и твоя конечная цель совсем не Глиное. Но ты, словно крот, зарылся, схоронился впотьмах в этом погребе мира”.

— Тут много заброшенных домов.

— — — “Ты забрался в чужое жилище, как тать и воришка во мраке. Сидишь и грызёшь сам себя, запивая своё самоедство сивушным баконом...”

— Я направлялся в Милуешты.

— — — “А приплыл в Глиное. Нет никаких Милуешт. Неужели ты это не уяснил на дне беспробудного своего винно-черного бухареста? Глиное только

* Рошу де Бульбоака (молд.) — Красное Бульбокское.

и есть. Вернее же, их два: одно — слободзейское, а в другом, григориопольском — исправительно-трудовое учреждение. Потому что ты ходишь вокруг да около. Милуешты — всего лишь легенда, глупая байка. А быть — это мегга-село Валя-Зебулуй. Быль — это ЦИРК, боль и великолепие, самое сердце непризнанной, но непокоренной Нистренин”.

— Нистрениа слишком мала. Потому — или она сама и есть сердце. Или...

— — — “Или?.. Ну, договаривай?”

— Сердца у неё нет. В силу малости места. В этом случае сердечный союз с нею невозможен. Такова голая истина.

— — — “Это я — голая истина. О, Огола! О, Оголива! Точный перевод фразы “Nomen est omen”: “Отчество — это всё”. Отчество! Ибо не сыном я послана, но его отцом. Ибо сын — устроитель и податель, но отец всё берёт, повелевая и властвуя. Имя — вовсе не всё. Всё — это воля пославшего меня. Что скажешь?”

— ...

— — — “Молчишь? Тэча читик. Беда твоя в том, что ты заблуждался всё время. Равно как и всё отведённое тебе пространство. Тебя просчитали, причём для этого не понадобился даже компьютер. На калькуляторе. Как бы ни было море безбрежно, ты приплёлся домой. В силу своей недалёкости. Поводок души твоей слишком короток. Это как россыпи беглых слов, разбредшихся на Юрьев день в разные стороны света, но согнанные вновь в ряды построено закрепощённых историй, сведённых в конце концов под барщину переплёта. Прав пославший меня, тысячу раз прав, когда сетует по поводу твоей недалёкости. Беглецу, если он недалёк, далеко не уйти. “На дурака не нужен нож...” Заблудившийся рано или поздно, — скорее раньше, чем позже, — описывает круг и возвращается на исходную точку”.

— Это из “Мцыри”? Снова путаете, теперь вот с лермонтовским персонажем.

— — — “Ты и есть персонаж, ибо поводок твоей души, пусть и запутавшийся, — в руках повелителя. Ниточка, наподобие той, за которую дёргает кукловод в театре марионеток. Он держит в горсти их великое множество, словно букет полевых цветов”.

— Кукловод... Он действительно существует?

— — — “Если ты его мыслишь, он уже существует. Хотя бы в твоём мозгу. Черномор, Карабас, что значит: “чёрная голова”, или Лев Толстой — реальности, такие же, как та, что с тобой говорит, и как твоя канистра с баконом”.

— При чём тут Толстой?

— — — “К слову пришлось. Из-за букета полевых цветов. Повелитель подобро называет его Черномором, *дядькой* русской литературы. Ты не знал, что Зебул, помимо того, что жрец и на дуде игрец, ещё и великий чтец? Не в смысле читчика расточающего, глаголящего речитатив, подобно его единокордному сыну, а в обиходном: читатель, глотатель строк, убористых словесных рядов. Он их прям жрёт ненасытно и не давится. Повелитель любит порассуждать о том, отчего великобородый любил собирать цветы, исхаживая вдоль и поперёк огород имения и своих гениальных книг, пространством подобных миру сему. Яснополянский флорист считал, что в момент перехода в мир иной человек распускается, подобно цветку, и с любовью и страстью художника составлял икебаны из тех, кто его окружал, из своих персонажей.

Я пришла, наготово своей бросая тебе на сердце цветы своей преданности. А тебе застит очи. Таков нестерпимый свет очевидной истины. Или ты до сих пор не осознал, что любые попытки бежать бесполезны? Следовало перечитывать классику. Того же “Мцыри”.

— Помню оттуда только бой с барсом.

— — — “Один раз ты уже уклонился от боя, выбрав сторону страха”.

— Этот выбор оплачен...

— — — “Да, ты воздал себе сторицей: потерей друзей. И от тебя ушла возлюбленная. С тех пор, как ты смалодушничал, сидишь в своём схроне, сам себя жрёшь, и схрон свой тем самым роешь всё глубже, и повсюду, куда ни

подашься, тащишь эти погребы с собой, исполненный чувства вины и словесной напраслины”.

— Смалодушничал?..

— — — “Вот сердцевина твоих заблуждений. Винишь сам себя в предательстве. А ведь это всего-навсего малодушие. Минутная слабость души, изначально большей. Ибо чтобы умалиться, надо для этого манёвра иметь некий запас дистанции. В решающий миг ты всего лишь сжался до схрона, в который забила твоя душонка, превращённая страхом в мышонка. Что взять с обуянного страхом? Да, вина велика. Но соразмерен ли гнёт самим на себя взгроможденного давления? Не кроется ли несоразмерность давилыного пресса в неважнецком качестве бакона, который ты хлещешь без меры? Плохое вино повышает давление. Или ты не знал, что высокий уровень адреналина в крови провоцирует неизбывное чувство страха? Страх сочится, как кровь из раны аквалангиста, распространяя океанским течением кровавые тельца на десятки миль, а может, на сотни. Пучина улавливает тончайшие флюиды, испускаемые жертвой. Пить надо меньше...”

— Может статья...

— — — “СТАТЦА? Аха-ха! Прав повелитель: как же ты недалёк в своих упованиях. Как и прежде — в попытке бежать, укрыться в слепых переходах пространства и времён. А ведь ЦИРК имеет все основания поступить, как должно. Шаг влево, шаг вправо, на месте прыжок: / За всё наступает по счёту должок”.

— В воды родной реки нельзя войти дважды.

— — — “Нельзя перейти реку вброд, не замочив ноги. Однажды страшила-силач из Ханаана, что значит “страна собачьих людей”, сподобился помочь мальщцу пересечь опасный брод через поток. Ханаанский силач посадил того себе на плечи. Мальчонка был легче пушинки, но на самой стремнине вдруг сделался непомерно тяжёл. Носильщик-силач, обессилев, взроптал, а тот, кто сидел у него на плечах, запросто ответил, что несёт с собой все тяготы мира и спасение кананея. Как в мультике, где крокодил Гена взвалил на себя уставшего Чебурашку, пока тот крепко держал чемоданы”.

— И что дальше?

— — — “Ребенок перешёл реку вброд, не замочив ног. Кананея облёкся в имя новое, став Христофором. Старое его, крокодилово имя скатилось вниз по реке. Что скажешь?”

— ...

— — — “Молчишь? Вольная вода смывает страдания. Вина твоя не в предательстве, а всего лишь в малодушии. Великодушие пославшего меня простирается в ширь черноморских просторов. Ты получишь возможность вступить в бой ещё раз”.

— Борода Черномора длиною уподобится Днестру?

— — — “Один румын, чью прозу, горчивую жерделевою косточкой, возводили к создателю бессердечного Данко, назвал Нистрению бабочкой на теле советского слона. Или ты не штудировал румынскую классику на дне своего бухареста и не знаешь, что они дразнили нашу маленькую, но не покоренную родину Транснистрией, то есть — местом, лежащим за рекой, подобно тому, как заумный язык лежит за пределами разума? Двигающийся вслепую обречён вернуться к родимой реке. Левый шаг короче правого. И ты, недалёкий, чайл, что в бегстве своём свободен, что сам озаряешь свой путь и другим помогаешь его обрести? Неужели не знал, что слещу не обойтись без поводыря. ЦИРК всё время и всё пространство твоё был твоим поводырём. Теперь лишь следует довершить начатое. Пройти последние вершки. Это прежде в башне могли заточить, нынче башня расточает. И ведь мало того, что сам ты блуждал и в заблуждениях своих подставлялся, ты втянул на путь ошибок других и подвёл их под монастырь. Даже в большей мере и степени. Не эта ли вина гнетёт тебя неподъёмной плитой? Давит? Христофор Колумб, грузённый каравеллами, сумел, не замочив ног, вброд перейти океан. Я избавлю тебя от непомерной ноши. Ты прочувствуешь, что нестерпимые боли в височных долях — фантомные. Поверь мне: преданность и предательство — одного корня. Ты винишь родину в бессердечии? Однако поэт знал,

как сделать заумный язык разумным. Потомки казаков-черноморцев, живущие на Дону, называют стопой суставы виноградных ветвей. Не потому ли Лермонтов в последние свои месяцы на Кубани и Кавказе, готовясь уже к выходу на кремнистый путь, пил, не просыхая, Краснотоп, вино, прозванное так потому, что дают его из винограда с кроваво-красными гребнями?”

— Краснотоп?

— — — “Хорошо, пусть будет Рошу де Нистрения. Или — наша Нистрянская Раша. Вышедшего из Черного моря легко обнаружить по багряным следам. Ты на верном пути. Сам убедился: неверно мыслить меня голограммой”.

— Ты что-то подсыпала... Магнезия? И гипноз. Хитры вы с подхотцами вашими...

— — — “Сам себя не обманешь. Видишь? Тебя касается, в первую очередь. Нащупать дорогу ты сподобишься не иначе, как через меня. Я тебя проведу в самое логово, и ты сможешь сразиться со зверем”.

— На поводке? А сама ты — на привязи?

— — — “Моя беззаветная преданность — залог абсолютной свободы. Поводок мне не нужен. В прошлой жизни я была собакой”.

— Тебя держит нечто более крепкое, чем поводок: тавро тростирия на спине.

— — — “То, что держит меня, ещё крепче: я мать Наф-Наф Доги”.

— Клодия — жена Зебула?

— — — “Клодия — жена Маноло Диаса-Янковского, строителя ЦИРКа, железного композитора. Зебул собственной волей отдал свою Клодию, мать своего однородного сына, зодчему гипербоида, сдержав своё слово: “Отдам за ЦИРК, что ни пожелаешь”. Тем самым исполнилось заветное желание железного механика Маноло Диаса. Я же говорила тебе, что пославший меня проявляет великодушие, простирающееся в ширь черноморских просторов.

Как говорит мой муж: фамилия моя Диас, а приставку “Янковский” придумали одесские евреи. Впрочем, говорят же, что “супружница” означает: “жница супруга”... Почему ты молчишь? Тэча читик”.

— У меня тоже была в прошлой жизни собака.

— — — “Ньюфаундленд? Её звали Нора?”

— Овчарка. Её звали Ирма. Она ушла... Чему ты улыбаешься?

— — — “Очевидное: твоя нетерпимость обернётся терпимостью. “Ирма” значит: “связь” и “сплетение”. Ты смеёшься? Нащупывай путь и — прилежней. Как любит молвить пославший меня, говорящий или поющий уподобляется флейте или трубе. Изначально, на самом фундаментальном уровне, в роли исходного музыкального инструмента выступает само человеческое тело. Помни: можешь звать меня Клава. Жми на клавиши по своей прихоти”.

— Чужая жена своему мужу — жница. А прочим — жрица?

— — — “Эта форма терпимости, в облаке она абсолютна. В Эдессе жрица любви предложила поэту и праведнику вступить с ним в связь. Он согласился, но при условии, что они сделают это прилюдно, на городской площади”.

— И как она поступила?

— — — “Устыдилась. И прекратила жрать любовь наподобие жертвенной плоти, облекшись в одежды стыда и спасения. А теперь представь обратное: если бы она согласилась? Прозорливцу пришлось бы сдержать своё слово. Выходит, не праведник спас блудницу, а она, отрекшись от прежней себя, спасла его от гибели и позора. Выходит, что её голая правда оказалась правдивее? Впрочем, нынче блудницы Одессы, не в пример будет сказано, не так привередливы. Нет теперь ни стыда, ни позора, ибо мир обнулится. Все дороги и секундомеры отныне ведут в ЦИРК. В их перекрестье, как на праздничном торжище, вершится торжество разоблачения. Нистор Нистрянин...”

— К чему посланнице облака так меня называть?

— — — “Как изволишь? Михай? Или, может быть Ормо? Нистор — это Нестор по-местному.

— Звучит как “масло масленое.

— — — “Это умасливание и есть. Ибо имя не абы какое, а — супергероя. Умашивают перед боем. Но прежде следует разоблачиться. Или не знал, что слова того, кто рассказывает истории, уже суть его дела? Повествователю от

лица своего ничего нельзя сказать, ибо всё сказанное будет использовано против него. Или повествователь не наделал делов, сплетая россыпи беглых словес, разбредшихся в Юрьев день на все четыре стороны света, пытаясь снова согнать их в ряды построчно закрепощённых историй, уповая в своём чайнии отчаявшегося доходяги, что удастся, в конце концов, свести их под барщину переплёта? Ты запомнил о главном: книгу в одно собирает не повествователь и даже не автор. Под гнёт книжных крышек историю запечатывает переплётчик. Образуйся же в дошлого! Нельзя перейти брод истории, не омочив ног в её стремнине! Чтобы стало всё на свои места, следует времена и сроки повести, и самую мглисто-зелёную сердцевину её стремнины отмотать обратно”.

2. В сугробе

*Мне от песни много ль толку?
Столько, сколь от воя волку!*

Лэутар Михай Константин

Мир обнулится. Село замело по самые трубы печей. Как ноздри, забитые зелёными соплями, густо сопят они дымом. Дрова из акации горят долго и ясно, уподобившись в производстве тепла неизбывному антрациту.

Глиное превратилось в сугроб. Или, может, Валя-Адынкэ в завале из каменных кряжей? Или пойманный нистрянской поймой удалец Карагаш? Или пьющие только до дна Пахары? Или вовсе бездонные, как дубоссарская прорва, Погребы? Или всё-таки Христофоровка, что несёт богоносное имя?

Непомерная ноша не даёт не то, что шагу ступить, а давит с такой тяжестью, что топит в земле, будто в мглисто-зелёном нистрянском омуте. Слишком податлив, жирен, как масло, чёрный нистрянский чернозём. Тогда, может, Мокра, промокшая теми же хлябями, что и Мокрое, умкнувшее Митю Карамазова в Грушенькино нещечко?

Но, однако, сугроб. Затаён, преисполнен исподним быгом — поленьев, вёдер с углём, погружённый в пещеры и погреба, что заставлены впрок рядами закаток с куриной, из индюшек и гусок, свиною тушёной, утопшей в рапе брынзой, заквашенной в кадках капустой, огурчиками-помидорчиками и вином, вином — безраздельным морем внутри, бордово и бодро плещущим в дубовые и душевные берега.

Вышить море несложно: для этого надо всего лишь перекрыть все впадающие в него реки.

Но моря и подвалы — это игры воображения. Словесное спортлото. Напралина. Милье сердцу виды окрест, схроны рананого подсознания, в коих ответчик чайл укрыться — вне зоны доступа. Отрезан, как плесневелый ломоть, от недр и погребов, с их жиром залитой и маринованной снедью.

Спрятаться негде, и, следовательно, — жрать себя самому с голодухи.

Внутри, как в нутре. У сугроба облик в снегу, нутро — в жару. Гол как сокол, без утайки явлен пред око пышущей печи. Таковы издержки схлопывания — нарастание плотности и температуры.

Но так не бывает. Любой физик любой сельской школы (даже той, что уготовлена к оптимизации по причине нехватки учащихся) доказательно объяснит это за засохшим куском мамалыги и мутным стаканом вина. Не говоря уже про Ландау. Про Ландау нечего говорить, потому как он сам ничего не скажет, а если бы и сказал, то сказал бы, как отрезал: *если надо объяснять, то не надо объяснять*.

Итак, схлопывание нарастает. Почему же она ушла? В голове не укладывается. Может статься, подобным образом сознание Ландау не вмещало одновременно абсолютный порядок и абсолютную температуру. Впрочем, сознание Менделеева тоже вмещало градус тепла, греющий душу русскую, а периодическую систему химических элементов не вмещало. Посему система, во всей своей сингулярно нагой прекрасности, явилась ему во сне. Может статься...

Как теперь быть с двумя температурными показателями, не сводимыми воедино, взаимно отвергающими друг друга: абсолютным плюсом внутренней жары и равным в абсолютном значении минусом обставшей вечной мерзлоты? Сумма равнозначных и взаимно друг дружку изничтожающих слабых без остатка приводит к нулю.

В её жилах, артериях, венах и в нежной маковой ниточке, подобно ручейку, впадавшей в височную ямку, течёт кровь четвёртой группы с положительным резусом. А ты исполнен кровью той же, IV группы, но с резусом отрицательным.

Вы созданы друг для друга, как две половинки одного целого, но половинки, должные обрести своё целое не в сумме, а в вычитании. Ты слишком поздно дошёл до этого.

Закусив удила, ты до остервенения добивался суммы, подключая себе в помощь всю алгебру и начала анализа, но лишь умножал сложности. Чтобы было всё понятно, надо жить начать обратно. С логарифмических небес надлежало спуститься на землю элементарной арифметики. Ты слишком далеко зашёл и не смог вовремя вернуться обратно. Ты так и не сумел решить задачу и был вынужден заглянуть на последние страницы. Правильные ответы на все вопросы в “Алгебре и началах анализа” даны в конце решебника. Концы начал анализа оказались — в воду. Ты добился всего лишь того, что она ушла.

Свернули в трубочку, обмотали вокруг башни, как свежеснятый скорняжный продукт, змеюву кожу выпотрошенной реки.

Под титло сплетутся слова, понукаемые строгостью жанра, являющего неотвратимое осуществление. Как гнёт, уплотняет, выпаривает излишки и соков, и букв, переводит их на росу.

Может стать: статца... СТА ТЦА...

Давит, как пресс, заставляя бежать вкривь и вглубь марафонские вёрсты.

Внутренний бег обуславливает учащение сокращения не только сердечной мышцы, но и — сношений с окружающим миром. Жар растёт, выжимая испарину. Плоть языка выпрастывает словоерсы. Жарко-с. Невмоготу-с.

Каждая капля-с знаменует частицу выдавливаемого раба. Не о том ли пророчил Исайя: о восстании мёртвых из праха, что они оживут и, подобно росе на растениях, выступят из земли?

Не является ли прямым продолжением сказки о крысолове история повелителя мух, где подростки, оказавшись на необитаемом острове, сами себе устроили праздник непослушания? Ведь Мухобой по-библейски звучит: “Вельзевул”. Изначально избранный быть повелителем вышних обернулся мушинным правителем.

Кто ведал, что Валя-Зебулуй* — долина Зебула, стоит на острове рыбы? Лежбище на костях. Плоть — от жизни, а кости — от вечности.

Стасовал бюллетени, будто сыграл в лотерею, с заведомым выигрышем в спортлото всех шести из всех сорока девяти. Урожай голосов ссыпал в закрома. Что такому стоит выпить реку или нахлобучить себе, словно кушму** с чужой головы, имя села?

А ведь выпить реку труднее, чем море. А Зебул умудрился. Заведомо выиграл — из всех сорока девяти. Валя-Зебулуй — вотчина Зебула, пасыра великодушного. Ларчик открылся легче лёгкого. Легче воздуха, значит — проще простого поднебесному духу вскарабкаться по воздушным под самые небеса.

Мнилось, что парящий — духовен, а оказалось: властитель вышних — всего лишь уподобленный жабе, от лукавства раздувшийся мухолот. И дитё его не хочет учиться, а хочет жениться, да не на ком-нибудь, а на славе, невесте всесветной. Хочет стать Господином Празднества. Впрочем, уже стал.

* Долина Зебула (молд.).

** Кушма (молд.) — шапка из овечьей шерсти. Кушмой в сёлах также называют мезгу, которая поднимается в давяльне во время брожения виноградного сока.

Случайно ли повелитель Зебул, помимо безраздельной власти над развлекательным мега-центром — ЦИРКом “Море любви”, — наделил своего бездарного отпрыска высшим чином МС?

Крыслову стоило вестись, как работает мухобойка. Не сложней мышеловки — схлопыванием. И разве схлопывание не есть то же самое, что обнуление?

Сугроб неподъёмен и глух, как пасть, ледяная и белая. Проглоченному остаётся в утробной тьме единственное — игра воображения, словесное спортлото, напраслина.

Су — исконная приставка, означает подобие или же нахождение рядом. Суводь, сутолока. Сумрак, то есть — у мрака. Сугроб — в погребках, почти то же самое, что во гробех.

Откуда фрицам было знать, что герой Хархалуп, сбитый в первый день войны в небе над Валя-Адынкэ*, оттуда был родом? И ведь обе фабулы — про повелителей летающих вещей**. Но, однако, какая дистанция от подвига отважного лётчика до происков владетеля мега-ЦИРКа, опоясанного, словно остров Буян, водами безбрежного Черномора Днестра. Недра и твердь.

Пепел героя, сгоревшего в небе над Родиной, обнулел сновидения. Стучит монотонно, словно ходики тикают, двигая многотонными гирьками, — тэча-читик-тэча-читик-тэча-читик***. Откуда в сугробе взяться ходикам, и кому не в напряг тягать для завода многотонные гирьки?

Хархалуп, уроженец Валя-Адынкэ — глубокой долины — вступил в воздушный бой с десятью “мессершмиттами”. Был ли тот бой неравным? Выступил один против десятерых. Но внизу, под фюзеляжем, были родительский дом и родная Валя-Адынкэ. Насколько глубокой показалась долина повелителю истребителя И-16 в тот миг, когда он натолкнулся на “мессеры”?

Семён Хархалуп в совершенстве владел техникой пилотирования, считался мастером штурмового воздушного боя, летал на всех типах самолётов — на “мигах”, на “чайках”, на “ишаках”*. Он имел веские основания назваться повелителем летающих вещей, а в итоге посмертно стал Героем Советского Союза. Срубив трёх “мессов”, провёл огненную черту от тверди до самого дна глубокой долины и тем самым её измерил. То есть не только был призван, но и удостоился звания избранного.

Много званых, да мало избранных. Не потому ли некто, подобно пушкинскому гробовщику, посмел воззвать беспробудно усопших к избирательным урнам? Как иначе объяснить доселе в Нистрении небывалое: восстание из гробов в день единого голосования? Из мрака могил явились на свет безголосые отдать свои голоса.

Чьёю прихотью устремились они вершить посюстороннее изъяснение? Явно же не своей, ибо шли, куда не хотели. Вряд ли виной наводнившего Нистрению загробного ужаса оказались всего лишь нечистые на руку избиркомовцы, что щедро внесли для массовки мёртвые души в списки для голосования. Вернее, не души, а данные паспортов.

Теперь никто не спросит, что использовал кукловод в качестве ниточки, чтоб выдернуть из небытия призрак умершего, — фибры души или стёртый штамп о прописке. Материя всё одно тонкая, ускользнувшая между строк в бюллетени для голосования и дальше — в бездонную прореху наполненной прахом урны.

На то пиар и чёрный, что не гнушается укатать на чёртовом колесе выборной карусели хоть лысого чёрта, хоть тень отца Гамлета. На кону — результат. Подсчитаны бюллетени, собраны голоса. Выборы признаны состоявшимися.

* Глубокая долина (молд.).

** В Септуагинте — Ваалзеву, то есть “Баал мух”, или же “повелитель летающих вещей”.

*** Тэча читик (молд.) — молчать как рыба.

**** Одномоторный моноплан И-16, прозванный красноармейцами “ястребок”, а также “ишак”, применялся в гражданской войне в Испании. Республиканцы прозвали его Mosca, “муха”, а франкисты и лётчики люфтваффе — Rata, то есть “крыса”.

Много званых, но избран один — Зебул-столпотворитель.

Любой пиарщик подтвердит: карусель обеспечивает полноту, ибо дух захватывает, взамен оставляя стойкое ощущение верно сделанного изъяснения воли. Ведь выбор — пике: входя, не вполне отдаёшься отчёту, каким образом нелёгкая выведет. Пике располагается в нижней точке, и выход возможен и такой, и сякой, в какую угодно сторону.

Может ли стать, что и восстание из гроба тени отца Гамлета — то же пике, на словесном уровне и смысловом? Сочетание слов — словно сопряжение дверей, из которых одна с надписью “enter” и две — с “exit”?

На вопрос: кого встретил Гамлет, когда встретил тень отца Гамлета? — ответ не вполне однозначен. Вернее, вполне многозначен. Выхода минимум два: первый, предугазанный автором: убитого отчимом папу; второй, предугазанный внутренним, от контекста избавленным смыслом: принц датский набрёл на себя самого — на будущий образ отцовства. То есть без тени, в именительном падеже не отец Гамлета, а отец Гамлет. Дело затемняет тот факт, что наследник трона был Гамлет Гамлетович. А ведь имя своё принц датский получил не только в честь отца, но и в память о единственном сыне создателя пьесы.

Могло ли стать, что главный герой встретил себя самого как будущего отца сына Робина? Призрачно мог, потому что в момент встречи с тенью отца Гамлета его не рождённый от Офелии сын был ещё жив.

Есть из пике и третий вираж: принц, принявший сан. О. Гамлет вернулся как призрак себя же, но в сани духовном, а не в титуле королевича, убитого отравленной шпагой. Таков мог быть финал, останься принц датский жив.

“Возвращение живых мертвецов. Часть 3-я”, Дедалов расклад, запутанная подземельная многоходовка.

Людей в катакомбы и норы загоняют напасти. Одесские катакомбы и подземные города Антиохии — вот удел беглецов. Не в этом ли аллегория рефлексии? Метафора, развёрнутая вкривь и вглубь затаённого бытия. Вернее же — быта. Под нещадным гнётом террора фашистских захватчиков всё глубже зарываются в бездонные схроны мозговых и душевных извилин нестигаемые красные партизаны. Как гномы, которые поплатились, потому что копали слишком жадно и слишком глубоко, и потревожили ужасное древнее зло. Не в том ли итоговый смысл, что расплатой стало спасение?

Может стать... Стать... Под титулом, в переводе с божественного, СТТЦА: “Святая Троица”...

По слову афонского старца, уйти *на* безмолвие. Куда отселяют отсель? Неужели все пути отныне ведут в одно только место: мега-деревню Валя-Зебулуй? На слом, на работу, на заслуженный отдых, на фронт, на покой. Всё одно — эскапизм или изоляционизм — подразумевает стремление к сингулярности.

Такова и Нистрения. От бесшумной кашалотовой туши ужавшаяся до ошмётка шагрени, рождает особую оптику отчуждения, эффект отторжения пришлых и ушлых, несомненный для вещи в себе.

Шолохову уподобленный шведским монархом Жорес Алфёров в политическом раже сравнил тебя, страна при реке, с прекрасным осколком великого эСэСэРа. То есть, следуя логике нобелевского лауреата, вначале имелось и зеркало? Колосс на стеклянных ногах, будто спьяну, шархнувшись вдребезги, в умат разлетелся пазлами магического отражения из ханса-христиановой сказки? Неужто Нистрения, как какой-нибудь осколочный словес, глиняной свистушкой занозила всевидящий алчущий зрак?

О, чернозёмная рана, сочимая соком лозы, может стать, тебя вовсе в упор не увидят. Тем лучше: напоследок взалкавшим больше достанется. Дрожащими и немытыми руками алкашу не ухватить битые стёкла — умоются руки собственной кровью. Если кто и ранен навьлет осколочно, то — исключительно ты. Или, может, включительно. Ты — это ты, и в этом вносмесительном тыканье вы с родной друг от друга неотделимы. Давненько спелись, от самого твоего рождения. И вы ведь единая плоть, а посему в какую сторону ни разбегайся, всё равно уготовано схлопывание.

Она тем не менее ушла. А ведь имя её означало соединение. Это значит: связи конец? Знаменует ли выход за пределы горизонта событий в ту область, где делается невозможной любая форма коммуникации? Но она оставила информацию к размышлению. Она ведь, в сущности, за тем и явилась.

Энергия разъединения поглощает, не пережёвывая, оставляет лишь крохи сосредоточенности, машинального, среди внутреннего нарастающего беспорядка, стремления ухватить то ли блики мерцающих слов, то ли тени неясных картинок, колышущихся, как подсвеченные силуэты золотых рыбок, тляпий и палий в полумраке аквариума.

Попробуй слепить поделку из праха, иссохших комочков пористой терракотовой глины.

Попытка под пыткой. Не зря ведь распад созвучен распятию. Уход на четыре стороны полагает стороны света. А что же стороны тьмы? Сходятся всё одно в ад. И даже сошествие направления не меняет. Ад персонифицирован, что априори подразумевает владычество Персефоны.

К схронам ведут проводки. Как оптовое волокно, обеспечивающее возможность коммуникации. Как тротиловый эквивалент для усугубления бездонности области персефонификации. Вот что спасительно страшно: нескончаемость свободы падения. Она задаёт антураж невесомости, то есть отсутствия сколько-нибудь маломальского тяготения.

Впрочем, может ли в существовании подвизаться часть пустоты, то есть ничто, прозябать или быть энергичным? Может ли взрыв, хоть большой, стать началом вселенского построения? Возможно ли сколько-нибудь маломальское осуществление в промежутке, где альфа — взрыв, а разрыв — омега? И тут ведь неважно, с прописной пишутся буквы или со строчной. В изводе библейского — церковно-славянском — нет ни строчных, ни прописных, как ни скифа, ни раба, ни свободного.

“В начале было Слово”. Но не менее важно, что будет в конце. В конце будет... А тут дилемма: спрогнозированный в “Откровении” Апокалипсис или бесконечные ряды буфетов, то бишь извечно вращающийся ЦИРК “Море любви”, которое Зебул от щедрот своих предлагает великодушно испить?

Предполагалось ли участие астрофизиков в испытаниях бомбы с игривым названием “Штучка” в окрестностях города Аламогордо в рамках операции под кодовым названием “Тринити”? Большой достаточно взрыв не оставил камня на камне.

По замыслу, подкреплённому лямбдой, камень должен на камне как раз появиться. Теорию относительности придумал приколост языкатый Эйнштейн, что, в переводе с идиша на немецкий означает “один камень”. Ну, ладно бы там: Цвейштейн или Дрейштейн, но камень именно что один, совсем один, как Лермонтов на кремнистой лунной дороге.

Одиночество подразумевает “один ночью”. С этой точки зрения Гефсимания к сингулярности ближе, чем даже Голгофа. Масличный сад страшен обесславленностью, абсолютной несущественностью перед давящей пустотой всевластного ужаса ночи. “Обаче не Моя воля, но Твоя да будет”*. Не зря арамейское “гат шамна” означает “масличный пресс”. Мрак борений в гефсиманской давилльне сокрыл первый шаг ступившего на путь страстей. “Но се есть ваша година и область тёмная”. Пустыня не внемлет. Одному выходить на дорогу, под звяканье молотков и гвоздей. Как в кошмаре, наполнившем ужасом души несчастных толстовских любовников. “Надо ковать железо, толочь его, мять”, — в тёмном углу в мешке копошась, бормотал по-французски маленький страшный мужик с взъерошенной бородой. Инци-инци.

Может ли пустота давить? Или мыслимо ли, чтобы домостроительство началось с взрывных работ? Почему бы и нет. Иудину землю крови — Акелдаму, где проклятый удавился, не вынеся пресса предательства, — Пётр назвал пустым двором. Разве не следовало вначале разрушить храм, чтобы потом в три дня построить? Ведь и город своей души, истолкованный святыми

* Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет. Лк. 22:42 (церк.-слав.).

отцами как Дом утешения, Спаситель не пощадил, в сердцах осудив: “И ты, Капернауме, иже до нбсь вознесыйся, до ада снидеша”^{*}.

Ухваткой коновала-дантиста, без наркоза, с мясом изъядли из улыбки Москвы златом и сахаром сиявший зуб мудрости — храм Христа Спасителя. Взрыв был немалый, и даже большой. Зияние, что образовалось на месте сияния, усугубили до котлована, для стройки небывало высокой до той поры башни. Норовили до неба достать, но на уровне пропасти всё и осталось. Котлован у Платонова наполнен фантомной болью и мукой страдания, а зияющий котлован у Москва-реки залили анестезией подогретой воды и сделали круглогодичным бассейном.

3. Облако

*Узнаете вы тогда, что поздно уж сети
Бойтся рыба, когда в сеть уже попалась.*

Антиох Кантемир

--- “Зебул хочет видеть тебя”.

— Зачем я ему понадобился?

--- “Ему нужен супергерой — тот, кто выйдет на баттл против его сына”.

— Супергерой должен обладать суперсилой.

--- Зебул полагает, что ею располагаешь.

— Вся моя сила ушла в нистрянский песок.

--- “Зебулу виднее. У него нюх на такие вещи. Он только и занят тем, что принюхивается и рыщет. Кто мог подумать, что эта шоколаднотелая и чернильноокая обернётся в очах Наф-Наф Доги всесветной невестой? Материнское сердце молчало, как рыба. А отец сразу сказал: “Погляди на неё. Лианна оплетёт Наф-Наф Догу, как анаконда — поросёнка”. Так и вышло: заботы и хлопоты Господаря Всенистриянского Празднества Наф-Наф Доги, все, какие ни есть, растворились в чернильных очах этой хищной змеи. У читчика вдруг появилось время на скуку, хандру. Но только не на отца и на мать. Но только — не на главное: ЦИРК и не-ЦИРК.

Наф-Наф Дога, наш коханный однородный сын, возрастал в суровой отцовской любви и материнской заботе. Отец воспитывал сына воином, ибо война — истинное состояние мира сего. Время войны не имеет начала и конца, прошлого и будущего, оно расщепляется на крупницы настоящего, пребывающего только здесь и только сейчас. Высшее проявление войны — это бой или, говоря современным языком, — баттл. Время в бою схлопывается настолько, что полностью переходит в пространство — периметра ринга или Дубоссарской плотины, речными берегами разделившей позиции опоновцев и нистрянских ополченцев. Война не имеет не только времени, но и пространства. Только ландшафт, разделяющий противников, который в ходе боя предстоит обнулить, чтобы сблизиться с врагом и вступить в рукопашную схватку. Победа знаменуется трупом врага, а также насилием над той, кого враг защищал. В этом суть обнуления пространства и времени.

Да, пусть это будет верх, взятый на ринге техническим нокаутом, пусть это будет вступившая в связь под напором оголтелых ухаживаний чужая жена, сестра, дочь или мать. Суть не меняется, и в том, и в другом случае знаменуя победу над пространством и временем.

МС, призванный днём и ночью функционировать, обнуляя дистанцию и тем самым верша неусыпно празднество ЦИРКа, дал сбой, объявил забастовку. Отец с тревогой констатирует: сын копит возмущение и грозит его обнаружить. А это чревато вовсе немислимым: восстанием против отцовской воли.

Идея Зебула проста, как он сам и как всё гениальное: вернуть сына в строй поможет хорошая взбучка. Всесветную славу не получают *за так*,

^{*} И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низвергнешься (Мтф. 11: 23) (церк.-слав.).

на халяву, задаром, на шару, на блюдечке, как до этого всё доставалось плоть от плоти однородному недорослю. “Завоей в бою и владей по праву” — таков антураж предстоящего баттла. Наф-Наф Дога пройдёт через жернова физической, эмоциональной и прочей нагрузки в ходе изнурительной подготовки к поединку и, наконец, завоюет славу, сокрушив достойного противника в честном и непримиримом баттле. Тогда к нему непременно, вкупе с завоеванной в честной схватке добычей — заслуженной всесветной славой — вернётся вкус к господарству”.

— А если он проиграет?

— — — “Наф-Наф Дога Металлорукий не может не выиграть. Впрочем, о подробностях баттла следует договориться с отцом”.

— То есть планируется *договорняк*?

— — — “Не спеши. Признаюсь: не пожалеешь. Внакладе не останешься. Упреждая твои возражения, скажу даже: ты согласишься. Доверься мне: я научу тебя, как правильно повести себя в лабиринте возможностей”.

— Повести повествователя? Масло масленое опять.

— — — “Повесть не подразумевает ли то, что последовало за вестью? Не я ли весть, тебе посланная облаком? Ты до сих пор не понял? Я и есть облак. Пойми же, наконец, как всё устроено. Проще пареной репы. Сын — податель, отец же — только рыщет и грабастает. Он давать не способен. Широты сыновних щедрот простёрты настолько, насколько заброшены в море финансов-политики-власти сети отцовской алчбы”.

— Сама говорила: Зебул *отдал* тебя, мать однородного своего сына, создателю гиперболоида...

— — — “Цена, которую запросил зодчий Маноло, была высока. Муж мой в профессии выкован из железа с головы до пят, а в частной жизни он театр, который в упорядоченной прозе быта взыскует трагифарсовых всплесков и слезливой мелодрамы. Но Зебул не таков: для него ничего не слишком в сравнении с ЦИРКом...”

Он уступил свою женщину Маноло, и та словно овеществилась. В сердце её вошло чувство, что она стала вещью. Трудно выразить это чувство бесчувственности: была человек, а вдруг сделалась куклой. Будто лишилась сердца, взамен обретя абсолютную свободу абсолютной зависимости. С тех пор это чувство не покидает её. Интеллектуальная кукла, или проще: I-DOLL, как по-аглички обыграли ушлые разработчики.

И повелительно плата далась непросто. Сам признавался: после моего ухода к железному композитору в душе Зебула проломилась карстовая пустота размерами и мощью гравитации с чёрную дыру, которую, как он ни старается, ничто и никто не способно заполнить. А он очень старается. Собственно, этим он и обречён заниматься от заката до заката, затягивая в сети своей неумной алчбы всё подряд...

Пойми же, всё работает проще пареной репы: чем ярче восходит, сияя, звезда Наф-Наф Доги, тем неодолимей вбирает прорва владыки Зебула. Сын и отец — как одно, только в разном, противоположно направленных качествах. Никто не может получить Зебулову помощь иначе, как через сына. Ибо сам он отдавать не способен.

Вот недавно обратились на имя правителя организаторы конкурса хоров нистрянской общечности, попросили помочь провести финал всенистрянского тура. Обращение поступило в канцелярию правителя, а откликнулся МС ЦИРКа. Отзывчивость Наф-Наф Доги превратит действо стариковской самодеятельности в мега-шоу “Баттл хоров”, с участием звёзд мировой эстрады, гвоздь того торжества, которое развернётся на Дне Республики”.

— Чтобы что-то развернуть на дне республики, прежде республику надо вышить до дна.

— — — “А ведь глупая твоя шутка не так уж и далека от истины. Обестольных нистрянских твердыни: Парадизовск и северная столица Рыбница — будут переименованы и перенесены на новое место. Столицы сольются в одно, утвердившись на новом месте — в Валя-Зебулуй”.

— Это ты шутишь шутки...

— — — “Поверь мне, матери Наф-Наф Доги, отцу его совсем не до шуток. Всё зашло слишком далеко. Вернее же — высоко. МС ЦИРКа и не-ЦИРКа заперся со своей Лианной на своём непомерном навалии. Они на вершине дурачества и — скучают. Официальная причина: работа над новым альбомом. Но ты слышал новый его материал? Это форменное издевательство! На выходе один только ряд звуков — медитативных, заунывно-прилипчивых, бесконечным повтором ввергающих сознание слушателя в пучину бездонного дурновкусия.

Вступление не разобрать, язык читчика заплетается, но вот — не сразу — проступает:

Тятя-татья... Тятя-татья... Тятя-татья...

Тягомотина тянется долго. Когда, кажется, нарушены все мыслимые законы гармонии и композиции, звучит основная часть:

Эльгыгытгын... Эльгыгытгын... Эльгыгытгын... Эльгыгытгын...

— И всё? Это всё?

— — — “Тебе мало? Ты ел когда-нибудь чёрную бабочку?”

— Чёрной не ел. И никакой другой...

— — — “Вот почему тебе надо быть в ЦИРКе. Нет вкуснее палии. Ибо нет рыбы ценнее и труднодоступнее в мире. То есть в не-ЦИРКе. Палия не плывёт, а парит в толще мрака, колыхая своими зловещими нежными крылышками-плавничками. “Бабочка мрака”, — кличет её Зебул.

Палия обитает в единственном месте не-ЦИРКа: во мраке глубин чуковского озера Эльгыгытгын. Не странно ли, что воды озера — таинственного сапфира, обрاملённого кратером, непроглядно черны, а название его в переводе означает “белое”? У местных “белый” синоним “мёртвого”. Благоговей от ужаса, они чтят зловещую чашу — шамана с ледяной головой, чей беспробудный сон не должен тревожить никто, кроме оленьих стад, стекающих в долину в начале апреля под надзором осевших от крови и мяса вагтаг медведей да визгливых и остервенелых волчьих свадеб”.

— Что дурного в том, что твой и Зебулов единокровный отпрыск интересуется ихтиологией?

— — — “Ихтиологией интересуется тятя, то есть отец. Интерес его чисто гастрономический: он вечно голоден, как какой-нибудь Дональд Дак, и жить не может без того, чтобы не насытить свою утробу пожаренным на грилях или запечённым в мультиварке филе длиннопёрой палии и не запить его бокалом столового циркового вина “Миорица” (оно же “Долли”, оно же “Жарь-Рыба”). Кстати, как тебе дегустация? Букет, послевкусие?”

— Продолжай...

— — — “Мозг Зебула погружён в состояние неусыпного комбинирования схем, хитросплетений и нуждается в постоянном притоке омега-3 кислот. Я не зря указала на то, что палия обитает лишь в одном месте не-ЦИРКа. Даже Зебулу накладно, из-за траты более времени, нежели денег, гонять в Анадырь бизнес-джеты и вылавливать в кратерной луже эндемиков. Кроме того, уже дважды погружения смельчаков-водолазов в озёрную толщу завершались трагически: один успел подняться наверх, но умер из-за переохлаждения, у другого отказало снаряжение, и он заблудился во мраке. И тогда Зебул воссоздал озеро Эльгыгытгын прямо в ЦИРКе, в самом сердце его — основании Зебуларума, у священной костницы* указующей Рыбки”.

— Рыбки?

— — — “Чего ты так всполошился? Или не знаешь, что рыба превратилась в ЦИРК? Место строительства гиперболоида и мега-деревни Валя-Зебулуй — будущей столицы Нистрени — указал скелет чудовищной рыбы, что был обнаружен на отмели при впадении в Днестр Турунчука? Чудище, тиранившее нистрянцев, сокрушила горстка отчаянных храбрецов, верховодил которыми супергерой, обладатель суперсилы, которой щедро делился со всем огородом. До сих пор простые селяне в разных уголках непризнанной нашей Нистрени поминают добрым словом удальца и его соратников”.

— “Огородом”?

* Костница, или оссуарий (от лат. — кость) — место хранения скелетированных останков.

— — — “Что так разволновался? Стыдно об этом не знать! Впрочем, скоро об этом узнает весь мир: Наф-Наф Дога запускает серию комиксов “Гильермо и его сотоварищи спешат на помощь”, “Огород против Нистрянского монстра”, “Гильермо — сокрушитель чудовища”, “Огород спасает Нистрению”. Контракт на разработку и выпуск печатной и анимационной продукции по этому суперсюжету заключён с мексиканским ответвлением мега-компании “Marvel”. Каково?”

— Почему вдруг Гильермо?

— — — “Тут величие замысла: рассказчики “Марвел” адаптируют для испаноязычной аудитории захватывающий сюжет о храбрецах, победивших речного монстра, всплывшего из пучин Рио-Гранде. В качестве создателей мультфильма соучаствует “Doga-flix”, дочерняя площадка мега-платформы “Netflix”. В её ведении и последующая трансляция. А это не только Мексика и Карибы. Это Испаниада, это, в конце концов, колоссальный рынок штатовских латиносов, это весь мир... Гильермо... Тут всё сходится и исходному материалу не противоречит: гиль — то есть чушь, чепуха, и Ормо: в сумме выходит Гильермо. Ну, ещё и ярмо, то есть комплекс вины, драма супергероя, которая, впрочем, заканчивается сокрушительным хеппи-эндом. Каким-то образом это связано с продвижением новой марки текилы на рынки Латинской Америки. Мексиканский бренд, но принадлежит холдингу из Техаса. Зебул там в долях. Я в эти цифры не лезу. Будешь с Зебулом по баттлу договариваться, спроси обязательно. И долю потребууй. Прогнозируют многомиллионные прибыли. Много-, много-...

Рассказчики “Марвела” и инженеры “Netflix” — мастера своего дела. Лихо закручивают историю, вплетая социокультурный аспект и злободневные темы: присутствует исторический контекст войны за независимость Техаса, проблемы незаконного своеволия денег и власти, засилия власти денег, незаконной иммиграции и наркотрафика, уличного бандитизма, противостояние чикано — потомков первых испаноязычных переселенцев на берега Рио-Гранде — и вновь понаехавших латиносов. Челита, возлюбленная Гильермо, якобы принадлежит к роду, укоренённому в калифорнийской земле, а Гильермо — гастарбайтер, приплывший то ли с Кубы, то ли из боливийских джунглей Ньянкауасу. Впрочем, рассматривается и другой вариант, где возлюбленную супергероя будут звать Наташа. Сценаристы пока ещё думают, как ярче подчеркнуть революционную пассионарность супергероя. Он и его друзья вступают в схватку с гигантским монстром, снующим во мраке пучины Рио-Гранде, чудищем, которое на поверку оказывается гигантской самкой белого аллигатора, выдрессированной на устрашение злобным Негромором, холуём и прислужником весельного Дьябло Амарилло. С персонажем Негромора пока тоже вопросы. Предварительные консультации выявили нежелательный толковательный контекст состава имени “Негромор”, что якобы может создать препоны и спровоцировать претензии политкорректного характера, связанные с возможными обвинениями со стороны афроамериканских правозащитных организаций в расовой нетерпимости — в связи с “негро-”, а также в связи с “-мор”, якобы рождающим нежелательную ассоциацию со словом “голодомор”. Но эти вопросы решают, в том числе, и в юридической плоскости.

Поначалу думали раздробить историю на череду сезонов. Согласовали с Наф-Наф Догей. А тот вдруг всё взбаламутил. Теперь настаивает: надо, мол, рисовать про Гильермо большую сквозную историю в формате графического романа, и всю команду супергероев, где Гильермо — заводила и самый-самый, следует удалить, а оставить только одиночку-супермена и его возлюбленную.

А такой сюжет сейчас не в ходу. Успех “12 друзей Оушена” обусловил спрос на слаженные и захватывающие дух коллективные действия. Патруль во имя добра, который чем многочисленнее, тем лучше. Этого ждут читатель и зритель. Голивуд, вслед за Марвелом, трубят общий сбор, сколачивают сплочённые команды неуловимых мстителей, рекрутируют в них своих супергероев-одиночек, от Рэмбо и Терминатора до Железного человека, Человека-паука и Чёрной вдовы, под маской которой, как известно, таилась

Наташа Альяновна Романова, рождённая в Сталинграде воспитанница Зимнего Солдата.

Формат графического романа для продаж не годится, особенно на старте, в стадии раскрутки супергероев. И для анимации никудышный.

Отец и продюсеры компании устали его убеждать, а тот уперся. И требует, чтобы имя девушки супергероя поменяли с Челиты на Лианну, и образ её создали с оглядкой на чернильнооковую принцессу Барбадоса, а сам остров должен стать тем самым местом, где развернутся захватывающие перипетии схватки с устрашающим зверем. А Барбадос к Испанидад и латинскому миру не имеет никакого отношения. Понятно теперь, откуда ветры дуют? Вползла змея с шоколадной мастью сыну под самое сердце и поддуживает”.

— Продолжай...

--- “Рыба превратилась в гиперлоид. Но остов рыбки сохранился частично. Нистрянская тварь на поверку оказалась нежной, по большей части состоящей из подверженных тлену, недолговечных хрящей. Утраченные компоненты скелета скрупулёзно воссоздал не кто-нибудь, а сам Дэмиэн Херст. Муж мой Маноло Диас-Янковский лично ездил (со мной) к своему другу Херсту, уговаривал того взяться за небывалый заказ. Нам, большей частью — мне, удалось это сделать. Увлёкшись замыслом, скульптор поначалу хотел воссоздать облик чудища, погрузив его в аквариум с формальдегидом, и тем самым *воскресить в сознании зрителя*. Но Зебул настоял на скелете. При реконструкции черепа Рыбки скульптор использовал палладий, сохранившиеся кости инкрустировал белым золотом, а недостающие выполнил из золота целиком. Скелет — отныне произведение искусства — поместили в священную остотеку. Впрочем, увидишь, на деле костница ничего сверхоригинального из себя не представляет. Что-то вроде экспозиции тиранозавра в палеонтологическом музее. И, однако, зрелище впечатляет: драгоценная композиция костей сияет подсветкой в недрах гиперлоида, под самым “Морем любви”, где разводят миллионы пылающих рыжим пламенем “сигареток” — сеголеток золотых рыбок, для заморозки и последующей их перегонки в цирковое вино “Миорица”. Владыка и повелел соорудить две огромных чаши. Хрустальный мега-резервуар отвели для длинноперой палии, *чёрной бабочки*, в точности повторив температурный и химический состав сапфировых северных вод, равно как и сопутствующие природно-климатические условия чукотского чуда. И назвали резервуар соответственно: Эльгыгытгын”.

— А второй?

--- “Что второй?”

— Ты сказала: Зебул повелел сделать два резервуара. Один для ночной бабочки. А второй — для чего?

--- “Для кого... Зебул к своим рыбкам требует почтительного уважения”.

— Несмотря на то, что их жрёт?

--- “Это — высшая форма почтительного уважения. На то он и жрец, чтоб иметь ненасытное нутро. Ты так и не понял. Второй резервуар — это и есть море Зебула. Вернее, будет. Великое пресное море, что уподобится озеру Кинерет. И, может быть, даже его превзойдёт. Нистрения, у которой за душой ни нефти, ни газа, обретёт стратегический резервуар пресной воды. Мало того, Зебул вознамерен населить вновь созданное пресное море галилейской тилипией”.

— Тилипией?

--- “Морда тилипии напоминает собачью. Рыба неприхотлива при разведении, плодovита, на неё устойчивый спрос на экспортном рынке. Зебулу важно наличие в проекте слова “галилейская”. Тут как бы символика переноса. Израильтяне переименовали его в озеро Кинерет? Ну, и ладно. Тогда из евангельского водоноса Зебул перельёт Галилейское море в чашку непризнанной, но непокорённой Нистрении. А одноимённая тилипия, выпущенная в новый резервуар, как бы должна подчеркнуть преемственность по отношению к прежнему водоносу. Впрочем, мозамбикская тилипия в плане экспортного промысла выгоднее на порядок.

Зебул цепляется за слова, но мне ведомы способы, которые помогут ослабить его мёртвую хватку. В конце концов, имя не имеет значения. Если

под видом галилейской тилляпии в Зебуловых водах будет нереститься мозамбикская, конца света не случится.

Зебул в последнее время увлечён словесной игрой. Временами стал даже заигрывать. Но ему как с гуся вода, говорит, что в словесных кунштюках ищет отдохновения от цифровых пучин и потоков, в которые с головой погружён от заката до заката.

Например, озеро Кинерет и Кинир. Казалось бы, созвучие этих слов — всего лишь совпадение, и ничего не значит. А Зебулу — пища для ума и потехи. Кинир был сын Пигмалиона и Галатеи. Да, да, того самого царя и художника, что взял себе в жёны им же сработанную куклу. Любовь создателя оживила его костяную невесту, а Кинир стал её плодом. Любимец богов, осыпанный всеми милостями, богатством и властью, наделённый даром прорицателя и певца, и имя получил в честь местного струнного инструмента — подобия лиры.

Владыка сирийских столиц, после он воцарился на Кипре, основал город Пафос, воздвигнув там храм в честь богини любви Афродиты и став её первым жрецом. Тысячи жриц, вышколенных любвеобильным и прекрасноликим повелителем, служили при храме в Амафунте, ночами справляя оргии в честь Киприды. Но поток чужестранцев, жаждавших погрузиться в море неги и в жажде своей оставить все деньги, от полновесного статира до полупшки халка, в казне Пафоса и в Амафунте, возрастал. И тогда правитель перенёс оргии с ночи на день.

Сделав голое таинство явным, Кинир превратил золотой статир в медяки непотребства и жменями рассыпал страждущим на потребу. Тайны не стало, и мир, сбросив бремя её, погрузился в пучину бесконечного дления вождения.

Сладострастная ширь призвана была плескаться безбрежно и вечно. Но неожиданно, как волна, накатила на Кипр весть о Троянской войне. Чуткое ухо певца-триумфатора, чьё царствование текло, как по струнам, в неге разнузданных треб, полноводно и звучно, прослышало в этом прибое чуждое бряцанье кимвалов, режущее изнеженный слух завыванье скорбящих свирелей и флейт.

Предчувствия не обманули провидца: вскоре на остров Киприды прибыли гонцы ахейского войска, да не кто-нибудь, а осенённые царственной пенной посылы — Менелай, исполненный страстной алчбы вернуть из троянского плена украденную жену Елену Прекрасную, и сам хитроумный Одиссей. За пиршеством они с почтением и искренним пафосом убеждали владыку острова Афродиты присоединиться к походу на Трою и покарать беспримерных в своей наглости троянцев. И Кинир согласился, клятвенно заверив царственных гостей, что пошлёт для похода на Трою пятьдесят кораблей. Посланцы, покорённые царским приёмом и поистине царственным жестом правителя Кипра, на крыльях тугих парусов и радостной вести помчались догонять ахейские корабли, журавлиным выводком, по пенной лазури летящие навстречу смерти и славе.

Но сердце Кинира стремилось не к Илиону, а в Амафунт, в храм богини, которую он в беззаветном служении вывел из мрака на свет, превратив её из тёмной и мрачной, сокрытой в ночи Скотии в явленную миру сему во всей наготе Афродиту Порн, отныне способную в жертву принимать и свиней.

Одиссей хитёр и умён, но разве провидец и жрец Афродиты не способен превзойти в хитроумности этого голоштанного царька из Итаки? Не только способен, но должен! Что уже говорить о Менелее, этом рогоносце, который во всём на побегушках у своего надменного старшего братца? Поделом его донельзя смазливая, но не менее похотливая жёнка украсила, на пару с Парисом, роскошными царскими рогами макушку того, кому не дано уберечь бесценное сокровище, а после, как переходящая кукла Античности, и вовсе пошла по рукам. Вот от Кинира бы Елена Прекрасная никогда не сбежала! Медный халк* — вот цена хитроумию Одиссея и прочих ахейцев. Глушцы — таково их истинное имя! Отправить целых пятьдесят кораблей под стены

* Халк — мелкая античная монета.

Илиона на верную гибель и всё ради одной потаскухи?! Видит владычица: тысячи их, истомлённых негой желания, пасутся, как золоторунные овцы, в рощах Амафунта и Пафоса, готовые по первому слову исполнить любую прихоть своего венценосного пастыря. Жрать любовь ненасытно, глотая кусками или тщательно пережёвывая. И разве голоштаный царёк из Итаки и рогоносец, что приблудным примаком* уселся на троне своего тестя в Спарте, не запомнили напрочь о подвигах, славе и доблести, когда, по велению Кинира, красивейшие жрицы храма принялись их ублажать? Не зря говорят, что дед Одиссея был вором и оборотнем в волчьем облике и давал ложные клятвы так ловко, что потом мог их не исполнять, не нарушая формально. Как говаривал повествователь, живший в другую эпоху: в “жить не по жи” — жи, ши пиши с буквой й.

В конце концов, богиня, которой всем сердцем, душой, всем телом служит правитель Кипра, поддержала троянца. Может ли он, Кинир, верховный жрец Афродиты, пойти против воли владычицы Амафунта?..”

— И что он, сожрал свою клятву?

— “Облако тешит выказываемое тобой нетерпение. Владыка святилища страсти сдержал своё слово. Бухта в виду древней Авлиды и пролив, отделяющий остров от материка, напомнили набитый солёной сардиной огромный глиняный пифос. В гавани было не протолкнуться от ахейского флота, набравшего силы перед решающим переходом к неприступной троянской твердыне — под стены Илиона. Казалось, греческим кораблям нет счёта, мера их длилась за тысячу, тьмы и тьмы числили тех, кто отправился добыть и заново обрести похищенную красоту и спасти через это свой мир. Но вожди вели строгий учёт. Премудрый Нестор, ветхий денми царь Пилоса, записывал вновь прибывавших в заветный список. “Смотрите, в гавань входит корабль! Кипрское судно! Кинир, царь и владыка Пафоса, любимец богов, верховный жрец Афродиты, вершит свою волю и держит данное слово! Да ниспошлют боги своему любимцу многие лета и блага! Нестор, записывай! Кинир обещал прислать пятьдесят кораблей и исполнил клятву!”

“Вижу корабль. Кипрское судно! Вот он входит в гавань. Тесно в бухте от кораблей, как в базарный день на центральной площади Пилоса. Но корабль находит лазейку и ловко пристаёт к берегу. Видно, что царь Кипра снарядил в поход искусных мореходов. Верно, не менее искусны они и в бою, как и их товарищи, что идут кораблями следом”. — “Следом нет никого. Все, кто послан нашим владыкой Киниром, здесь перед вашими очами, о, владыки, вожди и цари благословенной богами Эллады”. — “Что за диво? Кинир давал клятву: прислать пятьдесят кораблей! Или ваш царь разучился считать? Или счёт не таков, как во всём остальном подвластном Олимпу миру?” — “Царь Кипра и верховный жрец Афродиты умеет считать, как никто в этом мире, днём огибаемом солнцем, а ночью — луной. Наш владыка держит данное слово и велит исполнить всё по обещанному: вот корабль, на котором мы прибыли, вот ещё сорок девять судов. Наш владыка и прекраснейшие жрицы, ликом сравнимые с луной, а станом — с огненно-жарким светилом, собственноручно вылепили эти кораблики из священной терракотовой глины, добытой не где-нибудь, а в окрестностях святилища богини любви в Амафунте. Мы спускаем их в воду по велению господина и во исполнение его клятвы. Да ниспошлют боги победу вашему войску и искомую добычу — вашему походу”. — “О боги, как зло посмеялся над нашим походом лукавый насмешник! Будь он проклят”. — “Одиссей, не гневи проклятием богов накануне последнего перехода. Как бы ни было, но Кинир формально клятву свою исполнил”. — “Да, хитрец превзошёл в лукавстве даже моего досточтимого деда. Но и нам надлежит закрепить напутствие царя Кипра, дабы не было оно голословным. Не зря говорят, что этот кипрский кобель ни на что не способен, как только на случку. Возьмите гонцов этой мерзкой собаки, пустите им кишки живьём прямо здесь, на прибрежном песке, в виду нашего славного флота и воинства. А после скормите их, вместе с мерзкой их требухой, нашим боевым псам. Пусть прибрежный прибой

* Примак (нистрианск.) — зять, живущий с семьёй в доме тестя.

станет красным, как кораблики из терракотовой глины, что во исполнение клятвы ублюдка, рождённого от костяной куклы, спущены в воды Авлидской гавани. И пусть Посейдон примет это как священную жертву, окропит убойной росой вместе с пенными брызгами просмоленные борта наших доблестных кораблей”. — “Посланные волею господина в беззаветное услужение примут любую волю, и лютую как непреложное...”

— Но при чём тут озёра?

— — — “Облаку любо выказываемое тобой нетерпение. Зачастую, когда предлагают: “Давай предадимся...” — это подразумевает и меру предательства. Скоро ты будешь готов к тому, чтоб тебя повести... Но всё-таки торопиться не следует. Анадырские чукчи считают, что идеальное жертвоприношение — сорок девять оленей. Начать надо всё равно с одного и ни в коем случае не спешить. Меньшую жертву приносить нельзя, а большую — некуда, ибо наступает другая форма измерения. Пойми же, как всё устроено в нашей пойме. Зебул не может осуществлять рассылку иначе, как через единокровного своего сына Наф-Наф Догу. Отца беспокоит поведение сына. А это мешает делу всепоглощения. Отец должен быть абсолютно спокоен. В этом залог его сверхфункциональности. Таково и облако. Я и есть функция в чистом виде, сочетание абсолютной свободы с абсолютной зависимостью. Ибо вся рассылка осуществляется не иначе, как через меня. Облако оповещает, и весть его — чистая функция разоблачения.

Так и с Догой... Он призван к функциональности, к обретению идеала чистой функции. Ибо он МС ЦИРКа и не-ЦИРКа, и щедроты проистекают не иначе, как через него. Наф-Наф Дога на пике славы и должен быть сверхпроводим. А он погружается в скуку и кукуется, выказывает симптомы звёздной болезни, угрожающей сбоем того механизма, в котором собой исключён. Он претендует на время, которого у него вовсе быть не должно.

МС ЦИРКа и не-ЦИРКа не осознал ещё всей невыносимой лёгкости возложенного на него всевластия. Мысль о том, что чёрного кобеля не отмоешь добела, — это ложь в упование бедным. Ещё как отмоешь, до хруста и блеска, подобно тому, как финансовая прачечная отстирывает потоки грязных деньжищ. Таково мегакачество сверхпроводимости власти, её функции в чистом виде без примесей.

Тога власти!.. Вот что обеляет чёрную сущность делишек, пороки души и плоти, ибо ткань её суть сакральна. Если в подкладку её — ту невидимую сферу, что создана страхом, — кутается отец, то сыну суждено погрузиться в сияние моря любви. Чёрным был, белым стал — власть обелила. И облачится эфиоп в белые одежды. Этого-то пока и не понял Наф-Наф Дога.

Вернее, понял слишком буквально... Скандальная эта связь с мега-дивой Лианной, это выставленное напоказ в круглосуточной стрим-трансляции стремление постоянно держать в чёрном теле своё бремя белого человека. А чего стоят эти его совершенно безбашенные выходы к прессе, на которых он заявлял журналистам, что учёл все наколки шоколадной своей мега-пассии, даже те, о которых не догадывался её прежний парень? А её парень на тот момент ещё ни сном, ни духом, что является прежним, то есть от Наф-Наф Доги, из СМИ об этом и узнал. А он, между прочим, владелец миллиардного бизнеса, имеющего интересы в том числе и в сфере Зебуловых дел.

Нам с отцом пришлось задействовать всю мощь облачной инженерии, чтоб хоть как-то пригасить возникший конфликт. И что в ответ учудил этот поросёнок? На последнем его пресс-подходе явился к масс-медиа, ведя шоколаднокожую свою певичку, мировую мега-звезду, на поводке, и та, стоя на четвереньках, тёрлась холёными бедрами о его кроссовки популярнейшей линии “?DOGAGOD?”, а тот возвестил в прямой эфир, точно вызов бросил о том, что, мол, тот, кто был с его чоко-крошкой прежде, и пытался познать её, словно книжку, читал то, что на обложке, в открытом доступе, для широкой публики, а он, МС ЦИРКа и не-ЦИРКа, заглядывает в такие уголки, куда прочим дорога заказана, читая граффити на стенках самых дальних закоулков её тела и её души, что начертаны рукою самого провидения. Того, кто вчитывается глубоко, раскрытая книга одаривает откровением. И следом, звено за звеном нанизывая оцепенение, неизбывно, изо дня

в день, из ночи в ночь, читчик бормочет: “Эльгыгытгын”. И ещё одно: “Тя-тя — тать... Тятя — тать”.

— Это всё личное очень. Семейные дразги... Сами копайтесь в нестиранном вашем белье.

— — — “Погоди... Из болотной грязи — в блатные князи. Прачечная работает круглосуточно. Ты не можешь даже представить, насколько отлажено она функционирует”.

— Нет ни малейшего желания.

— — — “А сейчас ты увливаешь, пытаешься надеть личину. Ведь истинное твоё лицо — лицо мести. Личное — всего лишь дистанция между личной и ликом. ЦИРК дистанцию исключает. Вернее, сокращает её до нуля. Ам! — и нету. Ведь дистанция — это и есть пространство”.

— То есть, ЦИРК — пожиратель пространства?

— — — “И времени. Тут-то и зарыта собака. Расстояние — это раздельное самостояние, которое ликвидируется в двух средоточиях: в точке сборки любовных объятий и в точке разборки — в смертельной рукопашной на поле битвы, или в баттле — в кругу октагона, до нокаута и первой крови. Впрочем, Нистор, нет времени объяснять. Пора вести тебя в облако. Дабы пользоваться облаком, пользователю следует подключиться. Иди ко мне”.

— Обнуляешь дистанцию? Клодия, я не дерусь с женщинами.

— — — “Нистор, настрой твой хорош. Настрой приумножь, добавь к нему навыки драки и вкупе выкажи. Это поможет тебе продержаться в клетке какое-то время. Впрочем, времени нет. Я повернусь и стану здесь и сейчас. Вот так. Вот так...”

Троестирие вспыхнуло, озарило чреватые чрезмерностью груди, скользнуло безбрежными бёдрами и кануло в червонное чрево.

4. В сугробе

— — — “Родом Зебул нистрянин. Одни записывают его в молдавانه, другие — в москали, третьи — в хохлы. В пользу каждой из версий приводятся доводы, основанные, главным образом, на скупой информации о предпринимательской и общественно-политической деятельности Зебула. Способствовал открытию культурного центра в Парканах, и вот вам — болгарин; затеял масштабный совместный проект-стартап “Сатрап” с турецкими партнёрами и их косовскими коллегами, и, значит — гагауз (то же говорили и по поводу проектов Зебула с Белградом, мотивируя его сербские корни); имеет обширные связи и совместный курортный бизнес с еврейскими кругами Одессы и Твери, что расположена на берегу озера Кинерет, следовательно — еврей.

Шарик, как известно, мал и кругл, и им правит Гугл, а Одесса слитком велика. Информированные источники указывали, что прочное еврейское присутствие в Зебуловых делах и делишках обеспечивало наличие в его близком кругу Маноло Диаса-Янковского — *железного механика*, архитектора с мировым именем, испанца по отцу, но одесского еврея по маме. Впрочем, близкий круг создателя ЦИРКа был обширен, простирая ячеистые тенёта во все стороны света. Впрочем, и у Маноло был свой круг, и у Клодии Диас-Янковской, и т. д., и т. п.

В помощь одесско-тверийскому направлению были приданы неразлучные Ацкий и Ицкая, доверенные Зебуловы лица, но причастные кругу родни железного механика. Ближними молдово-румыно-украинскими и турецким подступами ведали Элвис Теперичев, Цицилия “Цица” Подакцизна вкупе с Денисом “Даном” Диснейлендом, а также Моисей Сукчес, Остап “Валет” Велетенский, Изяслав “Изя” Куле, Ралица Пахареску-Калкади, Илона “Лянка” Турнул-Пасмуревич. В стратегических направлениях, *отдельных*, то есть подведомственных целым отделам в структуре ЦИРКа, заведывание теми или иными странами, сторонами света и тёмными закутками мировой закулисы распределялось между скопом помощников и советников правителя Нистрени и МС ЦИРКа, во многом наслаиваясь и пересекаясь,

но нигде и ни в чем практически не давая сбоев. В число *отдельных* направлений, в частности, входили: российское (зав. отд. — полк. в отст. Столпняков, далее — Марго Маяко, Пётр Васильевич Штырёв, Осип Станкевич, И. Будущих, Освальд Аштаракян и др.); Эмираты, тюрко-арабское (глав. — Ибрагим Албарай, Мишель Пуццпрежня, Ходжа Такташ-оглы, Наталия “Наташка” Гвоздева-Штырёва, Теймураз Пасмурневич, Гюзель Цамхаг); европейское (с балканским и швейцарским подотделами, нач. — капитан Коста, Агнешка Куле-Велетенская, Габриэлла Вежа-Чекан, Милош Каприца, Иштван Блатно, Чинтолина Ляторчук-Латорреская, Антон Ляторчук, Анастасия “Настюха” Сукчес-Пиларович); азиатское (с китайским подотделом, зав. отд. — Варлаам Цамхаг, далее — Андрей Ламоза, Нухай Тэ, Тава Будосюева-Будущих, Ой Ли, Тава Блатно-Рукорюева, Цзю-Аштаракян, Таб Ккум-уй Соньё); африканское (с эфиопским подотделом, зав. отд. — Виолетта Каприца-Мнара, Богдан “Буджюнь” Калкади, Мейси Нгузо, Александр “Абимбола” Умбхошонго). Далее — отдел Испанидад с его постоянно растущим мексиканским подотделом и не менее значимое и многоплодное американское направление, с бразильской, калифорнийской и недавно созданной барбадосской вотчинами.

В тесной сцепке с прочими функционировал оффшорный отдел. Оффшорами заправляет некто Шор. В подчинении у него только одна помощница, однако чрезвычайно усидчивая; помимо обеспечения тесной взаимосвязи с прочими отделами и подотделами, выполняет целый ряд важнейших функций под началом Клодии в системе “ай-долли”. В бухгалтерии и отделе кадров ЦИРКа она проходила как “Жимолость”.

Эти круги, как и сферы влияния, концентрически сходились к Зебулу, заточаясь в силовом поле гиперболоида. Символ его — немеркнувшее тростение — расточало повсюду одно, незбылемое: свой Зебул, плоть от плоти нистрянский.

Иордан вытекает из озера Кинерет и впадает в Мёртвое море. Так и Днестр призван соединить, как каких-нибудь пролетариев, два великих земных водоёма — Галилейское море и озеро Эльгыгытгын. И станут они суть один двухъярусный дом — Зебулово море, сокрытый в пучине хрустальный дворец палии длиннопёрой, а над нею — открытый нистрянской стихии просторный пентхаус тилияни галилейской. Зебулариум, “Море Любви” выйдет из берегов, разольётся в ширь морского владычества.

Судьбоносное мегаглияние совершится в виду набережных двух заново наречённых твердынь — Тилиянополя и Палиополя, возвеличив сверх меры стольный град Валя-Зебулуй, должный возрасти среди нистрянских вод, словно чудо-остров Буян.

Немыслимое дерзновение выказывает недреманная мысль властителя Нистрени, ибо Зебулова алчба простирается не только на пространства, но и на времена и сроки.

Простирая великодушие в ширь, подобную и даже превосходящую края Чёрного моря, Зебул возглашает новую эру для тех, кто, окунувшись в море любви, постигнет, наконец, пределы широты и долготы, и глубины, и высоты, то есть меры пространства. Наиглавнейшая же из них — высота.

Не воплотил ли создатель гиперболоида в постижении мира сего свою самую заветную мечту — высоту, возведя ЦИРК и замкнув вокруг него неразмыкаемым амбарным замком заветную реку? А ключ спрятал или пуще — того — проглотил.

Над ЦИРКом и над Нистренией в равной мере и степени простёрлось поистине отеческое попечение правительевой души. Возмужав из сирого сиротства, сын земли своей исполнился великой душевной широты и поистине отеческого призрения. И дух свой устремил к поднебесным вершинам. Униженная в мире сём, непризнанная земля сыновними чаяниями вознеслась в надмирную вертикаль гиперболоида, вбирая и пространство, и время.

Отныне переговорщики от Нистрени любые призывы к мирному диалогу в политических раундах парируют лаконичным: “Мы не мирные. Мы — надмирные”.

Каждый школьник и даже детсадовец в пределах от каменской Грушки до слободзейской Незавертайловки, знает повесть о том, как в душе будущего правителя надмирной, непризнанной, непокорённой страны, а тогда — затурканного паренька из рыбничанской Христофоровки, зародилась самая высокая мечта. Из Рыбницкого ППС Зебул был направлен в школу милиции в Парадизовске в качестве поощрения. О причинах, тому послуживших, небывалом событии, случившемся с Зебулом в один из выездов в наряде ППС и повернувшим ход всей его жизни, школьникам на классных часах и линейках не рассказывают. Впрочем, об этом не знают не только учителя, но и ближний круг Зебула. Никто, кроме Клодии, и, может быть, железного механика Маноло.

А вот про высоту знают все. Более прочего в Парадизовске поразили парнишку из рыбницкого захоlustья военные истребители, что денно и нощно полнили громом и гулом небо над городом, поначалу не давая заснуть, вселяя в душу страх и трепет, и смутный восторг. Будто двигали в небе без усталости огромный металлический шкаф. Или сейф? Только что в нём хранили? И где ключ от него? Это, видимо, шла недоступная взору работа внутри. Душа под напором грома и гула делалась шире и шире.

А потом истребители улетели. Слово перелётные птицы, снялись с места и канули вслед за страной, небо которой так немолчно стерегли. Геологический переворот привёл к тектоническому разлому. Из развала Союза выпросталась нистрянская трещина, школа милиции превратилась в юридический институт, который Зебул закончил в звании младшего лейтенанта, за успехи в учёбе, на зависть одноклассникам, распределённого в налоговую инспекцию. Но должность и звание не радовали дипломированного правоохранителя. Он глядел, задрав голову, шурясь от слепящих лучей, в пустое нистрянское небо и всё чего-то ждал. Но тщетно. Небо, пустое, словно перевернутый стакан, молчало, взамен былого сияния застыл очи сквозящим зиянием. Душу снедала тоска, но в её широте эхом жили и полнились громы и гулы. И тогда, на прожаренном июньском зноем плацу юридического института вдруг почуял Зебул, как сошлись они вместе, сплелись и взросли в неразрывную мысль о башне. Осенённый замыслом, он опять поднял голову вверх, но теперь, не моргая, впился взглядом в пылавший солнечный круг, не в силах оторваться от заполнившего небо сияния.

ЦИРК — система трансляции, превосходящая всё и вся, на миллион лет вперёд кующая код и модель поведения городам и народам не-ЦИРКа, как звенья якорной цепи, опоясавшей нескончаемым кругом шею и грудь МС Наф-Наф Доги. ЦИРК, равно как и его МС, превыше всего, воплощённая доминанта мира сего, но при одном лишь условии — неусыпного функционирования.

Здесь и кроется корень претензий Зебула-старшего к Наф-Наф Доге. Единородному сыну правителя Нистрени, возведённому отцом в титул Господаря не-ЦИРКа и ЦИРКа, уготована башня управления миром. Здесь, в выпроставшейся над миром доминанте вершится работа по выковыиванию судеб мира сего, исполняется кровью, облекается физикой плоти его метафизическое задание. А Дога, не чуя ни капельки громадьи доминантных свершений, тяготится венцом доминатора, грозя запереться со своей шоколаднокожей змеей в башне слоновой кости.

Эх, сына, сына!.. Неужто не по нему оказалась тиара троетирия и сам он оказался подкаблучный слонтяй? К лицу ли управителю башни безбашенное поведение? Эти мысли сеют сумятицу и беспокойство в отцовской душе. Страх заползает в сердце Зебула и там гнездится, свернувшись колечком, ибо своеволие Наф-Наф Доги в деле обретения власти над временами и сроками чревато немислимым проявлением сыновней слабости — восстанием на отца.

ЦИРК *вне времени*, ибо вседозволенностью и доступностью исполнения заветных желаний *здесь и сейчас*, то есть совершенно игнорируя прошлое, наплевав на грядущее, гиперболизировал до грандиозности малейшие прихоти, капризы души и телесные похоти.

Величие замысла — долгострой, взыскующий созревания. Но в ЦИРКе всё сбывается тотчас, стремглав расщепляя и дезавуируя на душевную перхоть нечто мало-мальски большее в замысле.

Правитель одержим замыслом моря Зебула, ибо намерен перекроить ход сыновних чайний в новое русло. Декрет о стартапе “Морской Сатрап”, в английском изводе — “СНЮРНОМОР” — с участием иностранных инвесторов, всенародно объявят как раз на Дне города, ознаменовав старт рыгтя Великих Нистрянских озёр и последующее их слияние в Зебулово море — начало проекта, пожалуй, не менее грандиозного, чем поворот советских сибирских рек к *жаркой Арктике*, пустыням советской Азии, замысла, величием равного самому мега-ЦИРКу, в одно поверставшему пространство земли и небес.

И всё ради сыны — коханого света очей, нещечка, недоросля, от сиськи по сию пору не желающего отлучиться дитяти!

Отцовскому морю любви дитё отвечает чёрной неблагодарностью: ёрничает, точно туча, гремит издевательски “Черноморовым маршем”. Посмел смеяться над отцом! Вот, мол, папа задумал слить всё, что ни есть между Чёрным и Чермным морями, заглотив в один присест прорвой Черноморова царства!

Не вышло бы, что гром гремит не из тучи, а из навозной кучи. Наф-Наф Дога-то толком не бит до сих пор. Папа слишком с сыном сюсюкался, потакал, как щене, мажористым прихотям, пестовал баловня. Воспитывал воина, но и на тренировках, и в ринге подбирал спарринг-партнёров пожизне, чтобы обеспечить отпрыску заведомую победу. Вот и взрастил у того непробиваемую убеждённость в собственной всесветной *исключительности*. А теперь, когда дело дошло до черты, спохватился, да поздно.

Изыскать надлежит удалыца, что начистит читчику Наф-Наф Доге зарвавшееся рыльце. Надо дать ему взбучку и тем самым снова всесветно *включить*.

Сам Зебул на такое не способен в силу абсолютной зависимости от отеческой любви. Тут возможен и страх, столь же безмерный. Возможно, Зебул опасается того, что, обрушив свой гнев на сына, уничтожит его, подобно тому, как поступили Тарас Бульба с сыном Андрием и господарь Пётр чел Маре с царевичем Алексеем”.

— Сила абсолютной зависимости не означает ли абсолют бессилия? И — страх. На чём тогда зиждится абсолютная власть и непомерная мера Зебулова гиперболоида?

— — — “Зебул с малых лет любил собак. Души в них не чаял. Известный афоризм “чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак” на деле парадоксален пропорцией: парные величины, которые взаимоумаляют и взаимоувеличивают друг друга одновременно.

Возрастало ли в Зебуле с годами чувство приязни к собакам параллельно приязни к людям или, наоборот, убывало? Или росло, наоборот, в пику усиливающейся мизантропии, в тайном стремлении возвеличить собачью породу в пику людской?”

— Но Зебул теперь кушает рыб. Возводит для них хрустальные дворцы и хочет связать реку узлом и вышить море. То есть им отдаёт предпочтение? И что за событие в корне изменило судьбу Зебула?

— — — “Чтобы рассказать историю, слова надо выстроить в ряд. Не подразумевают ли история слова, что стоят рядами, как стоит полк против полка? Не означает ли это порядок? Потому — обо всём по порядку.

Зебул, возможно, уже в раннем возрасте отличался премногим знанием природы человека, с младых ногтей следил дум *людских подземный ход и прозябание помыслов*. Подробности его детства и вехи взросления блёклы и непримечательны. Возвеличился из милиционеров, причём с самых карьерных низов (понимая здесь и “карьер”, и “карьеру”): начинал участковым в родной Христофоровке, потом в рыбницком ППС, в общем, из местных, плоть от плоти своих, кровь от крови нистрянских.

Следует ли из этого, что Зебул опирался на дарованное ему в детстве многое знание (в коем, как известно, много печали) и величие ЦИРКа возвёл по мотивам башни из слоновой кости (или чёрного дерева)?

Однако предпосылка о большей любви к собакам, нежели к людям, с наименьшим основанием позволяет предположить, что никаким особенным знанием Зебул не обладал, а что в школе, к примеру, и на улице его обижали. На самом дне изъязвленного нутра, втайне от самого носителя, затаилась великая месть, которая постепенно копилась, откладываясь, как в сокрытую илом пиратскую казну, каждой безответной насмешкой и издёвкой, каждой проглоченной обидой, в итоге послужившая краеугольным камнем великой мега-ответки — стремительного возвеличивания её носителя и строительства циклопической нистрянской башни.

Можно было бы возразить: зачем, мол, искать чёрную кошку в тёмной комнате или, ещё того хлеще, — чёрную псину, если, что очень возможно и даже скорее всего, её там нет и отродясь не было, что, мол, поступь величия могла быть вполне поступательной, без аффектов, фанатизма и пищи, лакомой для изнывающих вечной алчностью телепередач типа “Рассказать всё, что скрыто”?

Но ведь случай гиперболоида — не обиходный, и сам по себе мега-ЦИРК “Море любви” со всем им расточаемым мега-контентом не есть ли воплощённая невозможность, то есть явленная воочию на миллион лет вперёд тьмам и тьмам пользователей исключительность, то есть собственно та самая, маковой в небо упёртая крайность?

Возможно, что, сызмальства не умевший за себя постоять, отвернул Зебул свой взор от людей, обратив его на животных, то бишь на псину.

Вернее, на доберманиху, которую завёл, когда перевёлся на службу в Рыбницкий ППС. Сам признавал, что души в ней не чаял. Купил щеня в городе за первую выплату пайковых, добавив накопления с маминной пенсии. Мечтал именно о добермане, чтобы злым был и быстрым, надёжно охранял дом, хозяйство и маму, пока сын будет в отлучке.

Подмечено, что бойцовских собак часто заводят те, кого в детстве шпыняли. Доберманы, конечно, не питбули. И ещё — как воспитать?

Зебул её бил, воспитывая, но кормил до отвала. Меньше чем за год щеня вымахала в огромную лютую суку с выдающимся экстерьером. Чёрная, с рыжим отливом шерсть её блестела на солнце, точно от жира, но жира в ней не было ни капельки. Ещё года ей не исполнилось, а тащила Зебула на поводке, как на буксире, когда тот сподаблялся выводить её на прогулку, на потеху и насмешливые комментарии остроумных соседей.

Поджарая, со струением мышц под лоснящейся шкурой, Валя вся была воплощением мощи и зубастой стремительной грации. Такую кличку дал ей хозяин. Мама была против, говорила, что грех животину называть человеческим именем. Зебул отвечал, что собака нистрянская, и кличка значит “долина”, и добавлял многозначительно, что Валя для суки — самая кличка.

У мамы отношения с охранницей дома не заладились — за хозяйку её доберманиха не считала, не слушалась, да ещё принималась лаять, когда сельские дети приходили к учительнице на дом заниматься на пианино.

Валя слушалась только Зебула. Послушания тот добивался посредством домашнего тапка с тяжёлой подошвой или форменной туфли. Но зато охраняла на страх и на совесть. Соседи обходили двор Зебула стороной, опасаясь, что псина, зайдясь в злобном лае, перемахнёт, не дай Бог, через забор.

Впрочем, так и случилось: Валя махнула через забор, но не в злобе и лае, а по-тихому, ночью. Собаку Зебул поначалу вообще не привязывал, исходя из её абсолютного перед ним послушания. Со временем, с трудом уступив уговорам и, наконец, слёзным мольбам матери, всё-таки завёл для Вали цепь, с бегунком по проволоке, чтобы Валя в его отсутствие запросто покрывала весь двор своей злобной заботой. Но это только, пока хозяина дома не было, а как появлялся, он тут же её отстёгивал.

Вот так, в одну из домашних побывок Зебула, любимица его Валя и пропала со двора, к драме хозяина и глубоко запрятанной радости его матери.

Шума от пропажи Зебул поднимать не стал, но искал её настойчиво. Ходил по селу вдоль дворов, накапливая напраслину злости на соседей и на каждого встречного-поперечного. Излазил окрестности, выпрашивал односельчан, навещался в соседнюю Мокру и дальше, наездами в Выхватинцы, Зозуляны, в Севериновку и Белочи, до самой Окницы и Плоти.

Зебул продолжал поиски, когда удавалось в приезды домой выкроить время. Наводил и справки на службе, вызывая смех сослуживцев. По прошествии более чем полугодя после пропажи собаки по дороге со службы домой решил поиски прекратить. По приезде он узнал, что маме накануне сделалось плохо, приездом врач из Мокры и выписал ей направление в Рыбницу на обследование.

Прошло ещё полгода. Зебул всё так же исправно тянул служебную лямку, впрочем, без огонька и поощрений со стороны начальства, то ли в силу притупившейся, но саднящей тоски по зубастой Вале, которая словно в воду канула, то ли потому, что служба пэпээсника, хоть и была много лучше должности участкового в родной Христофоровке, но радостей и профессионального удовлетворения не несла. В непритязательном коллективе, как на подбор состоявшем сплошь из хохмачей и зубоскалов, Зебул, в силу робости, неумения и нежелания общаться диалогически, выступал в роли мальчика для битья, объекта подколов, насмешек и шуточек.

Но судьба дала Зебулу шанс преобразиться, явить себя не мальчиком, но мужем. И он не преминул этим шансом в полной мере и даже сверх меры воспользоваться.

В ту пору в районе замечены были волки, но много севернее: возле Окницы, в урочище Болганской долины задрали кабана, старого секача, обглодав его до свирепых клыков и огромного черепа.

Через неделю под Плотью напали в ночи на стадо, зарезали барана и трёх овец, при полном попустительстве собак, трёх матерых волкодавов, охранявших стадо. Ещё одна странность заключалась в том, что пастуха, бывшего при стаде, едва добудились в полдень у потухшего костра. Овец он должен был пригнать в село ещё утром, а накануне сделал небольшой, на пару часов, привал, чтобы сварить кипятку, но, однако, заснул и проспал беспробудно всю ночь и потом до полудня.

Чабан божился, что видел волков, и когда плотнянцы, смеясь над ним и ругая, спрашивали, как те выглядели, тот заполошно бормотал, что они были страшные: косматые, морды тупым клином, в пасти зубья, как пилы, а глаза горят, словно свечи. “И пламя их — калёное, сквозь башку жжёт”. Рассказни пастуха плотнянцы оценили по шкале “курам на смех”, обвинив его в растяпстве и пьянстве. “Кипяток у костра... Сам винище, небось, хлестал...”. Только бабка Раклища, древняя, как плотнянский дуб, таящийся в чаще, что излукой подступала к самым задворкам села, проскрипела на этот счёт: мол, волки, перед тем как напасть на стадо, окружили очами чабанский костёр и повергли самого пастуха и собак его в оцепенение, как будто наложили на них неподъёмную цепь. Бабкины сказки никто не послушал, и скрип её неслыханно, как суровая нить овечьей пряжи, голоса затерялась в криках односельчан, с упоением бивших и таскавших за космы исполненного вины и покорности пастуха.

Но где Плоть и, тем более, Окница, а где Христофоровка? Случайно ли родовое село Зебула именуется Христофоровкой? По общепринятой версии, название своё село получило в честь Христофорова, комиссара бригады Котовского, до того именуясь Волченцом. Ни имени, ни отчества в бессчётных ратных походах сидевшего в седле одесную легендарного комбрига история не сохранила, а фамилию увековечила, много позже нанеся на местную карту Гугл.

Однако находились спорщики из старожиллов, утверждавшие, что комиссар Котовского к их селу не причастен, а звалось оно так испокон, до Советов, ещё при царской власти. Включались в спор нистрянские краеведы, заверявшие, что путаница из-за того, что на нистрянской карте Гугл две Христофоровки: одна — уже упомянутая — на скалистом севере, в Рыбницком районе, близ Мокры, другая же — в жирном, как масло, черноземе Григориопольского района, и, мол, вот она-то и есть комиссарова Христофоровка, ибо по соседству расположилось село с указующим названием Комиссаровка.

Жители григориопольской Христофоровки из данной дискуссии извлекали свой интерес, в один голос стоя на том, что никакой Зебул не рыбничанский,

а кровнородственный их земляк, за которого они всем селом на выборах и голосовали. Как бы там ни было, а григориопольской Христофоровке из внебюджетных средств самим Наф-Наф Догой (несомненно, с подачи и по указке отца) была оказана щедрая меценатская помощь в виде дома культуры с развёрнутой во всю ширь функцией современного ночного клуба и диджейской аппаратурой, стоимость которой позволила бы купить три новых комбайна.

Стоит учитывать наличие ещё и переулка имени Христофорова, расположенного в северной нистрянской столице в непосредственной близости от зданий госучреждений, являвших сосредоточение органов районной нистрянской власти. По преданию, именно отсюда, с переулка Христофорова, был совершен тот судьбоносный выезд наряда ППС, в составе которого находился выходец из затурканной даже по рыбничанским понятиям тмутаракани и который чудесным образом превратил третируемого старшими по годам и чинам сослуживцами в осенённого миссией Зебула.

Сигнал поступил из села Христофоровка, в окрестностях которого обнаружили стаю волков. Вернее, стая сама себя обнаружила. Звери вели себя странно: днём прятались где-то в окрестностях, а ночью выходили к селу и были на наливавшемся желтизной полнолунии, наводя на христофоровцев жуть и ужас. Собаки, заслышав волчий вой, поджимали хвосты и прятались в будки.

Поутру в воскресенье местные члены охотхозяйства, скооперировавшись с мокрянскими, вышли гуртом на облаву, следствием которой стало происшествие в чаще, примыкающей к урочищу Калагур, с беспорядочной пальбой, одним тяжело раненным в живот пулей на кабана 12-го калибра и одним с ранением средней тяжести — простреленной рукой, навывлет, кость не задета.

Каждый из пяти выживших поведал свою версию случившегося, звучащую, как под копирку: охотники вошли в чащу, и тут неожиданно на них напали волки. Вернее, каждый рассказывал так: “Мы разбились по номерам и линией вошли в чащу. И тут, сходу, прямо на меня он выскакивает...” Однако странность заключалась в том, что по рассказам выходило, будто на каждом из охотников пришлось по напавшему зверю. Свой испуг, а вернее, охвативший охотников ужас они и обосновывали неожиданностью нападения волка, будто бы нарочно ждавшего в укромной засаде. И тут же, ничуть не боясь обвинения в трусости, добавляли: и обликом лютотого зверя — огромным ростом, чернотой своей и косматостью контрастно выделявшимся на фоне пожухлой осенней листвы, страшными клыками в разинутой тупоносой пасти. “Я успел вскинуть ружьё и выстрелить. Прямо в пасть, прямо в горящие ярким пламенем его очи”, — заканчивал каждый. И, однако, с полем друг друга никто из стрелков в то воскресное утро не поздравил. Зверя не обнаружили ни убитого, ни раненого, а среди горе-охотников числились подстреленные своими товарищами и ни одного пострадавшего от страшных волчьих клыков.

По тревожному сигналу из района и центра были отправлены сразу несколько нарядов ППС, но, однако, “уазик” наряда патрульно-постовой службы под командой старшего сержанта Незабудько прибыл на место происшествия первым в силу того, что в составе наряда, помимо вышеозначенного Незабудько и его закадычного дружбана, сержанта Тофаря, находился рядовой Зебул, родом из Христофоровки, местный, знавший округу, как свои пять пальцев.

Стоит отметить, что это знание рядовому Зебулу с поступления команды на выезд сыграло на руку, задало некий небывалый для него, торжественный даже тон. По обыкновению задвинутый на задворки повседневной служебной тягомотины своими не в пример более бойкими и хваткими до карьеры и прелестей жизни сослуживцами, тут Зебул сходу выдвинулся вперёд, пусть и с заднего сидения “уазика”, но выступив в роли ведущего, штурмана.

Будто в детстве, когда магический счёт “Эни, бени, рики, факи, турба, юрба, сентябряки...” запускал механизм выбора самого главного в догонялках или прятках — *вóды*, Зебулу водить никогда не выпадало. А тут вдруг выпало!

Зебул прокладывал путь по просёлочным грунтовкам, и вместе с уверенностью в нём рос кураж и неведомое чувство безоглядного, изнутри ослепляющего бесстрашия. Зебул будто ведал наверняка, чуял, куда надо ехать.

Товарищи его, сослуживцы, чем ближе к конечной точке маршрута, тем становились не в пример приглушённое, тише и даже бледнее и сумрачнее. Как будто, наполняясь невиданной прежде уверенностью, Зебул, избавляясь, сливал им излишние за ненужностью пугливость, и робость, и страх.

— Здесь налево поверни... — говорил Зебул старшему сержанту Незабудько, точно вовсе не Незабудько, а он старший наряда.

— Здесь не проедем... — с опаской отвечал старший сержант.

— Проедем, не дрейфь... — успокаивал Зебул, переключая лежащий на коленях АК-47 стволом справа налево. — Тут с грунтовки кажется — чаща. Проедем...

— Куда мы прёмся? К селу — прямо... Охотников поперву опросить надо... — бормотал Тофарь, впрочем, неуверенно, то и дело с тревогой и даже испугом поглядывая на вцепившегося в баранку Незабудько.

— Время потеряем... — парировал Зебул. — Если набрали на волков возле Калагурского леса, значит, они на могильнике. Как пить дать, там стая.

— На каком ещё могильнике? — не скрывая испуга, переспрашивал Незабудько.

— Чёрт знает! Братской могилой называй или скотомогильником. Мы с собакой часто туда ходили. На дальнем краю урочища, клином выпирает в сторону Днестра. Туда и едем. Чаща почти непролазная, а внутри поляна, большая, деревья на ней не растут, и трава скудная. Любимое место выгула было Вали моей. Прямо поводок рвала, чтоб скорей туда, на поляну. И всё бегаю по поляне, и принохивается, и роет, принохивается и роет.

Никто из наших про эту поляну не знал. Дед один, что жил при монастыре в Калагуре, про то место знал. И мы с Валею. Этого ветхого, монастырского в лесу и встретили. Сам еле ходит, а чего-то туда ходил. Рассказал, что до войны там был хороший луг и пастбище, и немцы построили ферму, вернее, военнопленные фрицам её построили, а после согнали туда весь скот из окрестных деревень, из Христофоровки, из Мокры и подальше. Когда Красная армия стала приближаться, и в Окнице партизаны ударили с тыла, фашисты весь скот постреляли, чтобы русским не достался. Тех, кто на ферме работал, солдат пленных, заставили яму вырыть на опушке урочища, большую — котлован, с пологим спуском с одной стороны. Земля здесь была красноватая от примеси глины и давалась легко, но яма требовалась большая и глубокая. Неделю копали. Скот туда загнали — бычков, коров с телятами, свиней. Прямо там, в котловане из пулемётов всех рядами положили, а после засыпали. А потом, когда котлован почти закопали, край только остался, загнали туда тех, кто за скотом приглядывал — в ту же яму. В тесноте да не в обиде. Человек десять их было — работники из числа пленных, скотницы из местных. И их тоже, из пулемётов. Чтобы никто не узнал о содеянном.

— А этот, вишь, ветхий пенёк откуда-то знал... — глухо откликнулся Тофарь.

— Земля, говорил, ему нашептала... — безоговорочно отвечал Зебул. — После войны урочище разрослось, чаща обступила то место. А на самой поляне всё одно ничего не росло.

— Приехали...

Путь перегородил поваленный тополь с чёрными щупальцами корней, нависших над зияющей в земле дырой. Выскочив из “уазика”, Зебул ловко перелез через ствол дерева, крепко ухватив автомат левой рукой в районе ствольной накладки. Товарищи его действовали не так споро и более осмотрительно и потому отстали. Но Зебул не оглядываясь, стремился вперёд, словно толкала его на поляну неведомая, вновь нарастающая внутри сила.

В прорежённом ранними октябрьскими заморозками, зарешённом стволами осенним пейзаже ещё издали в глаза ему сквозанули будто бы выбоины, чёрные кляксы, зиянием своим нарушающие повсеместное торжество приглушённой золотистой, коричнево-бурой палитры.

Приблизившись к краю поляны, Зебул осознал, что красноватые эти зияния были ничем иным, как пятнами свежей земли, террактового глинозёма, щедро раскиданного вокруг ям, похожих на следы разорвавшихся мин.

Приблизившись к краю поляны, Зебул замер. Пространство перед ним вдруг обернулось бездонной бездной, до края исполненной безотчётного, непроглядного страха. Страх сгустился и ожил, вдруг стремительно набухнув чернильными кляксами, сорвался и ринулся, разевая клыкастую пасть, на Зебула.

То, что полнилось внутри, словно выпросталось наружу, в упоении толкнув Зебула навстречу из чащи.

Он ступил в круг поляны, на ходу перехватывая свой АК-47. Чёрно-красное пламя, что несло ему встречу, сшиблось с багряным потоком, сгустками рвавшимся из пламегасителя, завертелось и с визгом слилось, озарившись чермно-червонным сиянием.

Сам Зебул потом толком не мог описать, что же с ним случилось тогда на поляне. Но сослуживцы из чащи видели в мельчайших подробностях всё.

Стая огромных волков с разных сторон поляны почти одновременно бросилась на их бесстрашного товарища. Но Зебул не дрогнул. Не замедлившись, не ускоряя шаг, он твёрдо ступал навстречу разинутым в страшном оскале пастьям и одновременно вёл по разъярённым зверям огонь. Верный его АК-47 бился в руках, методично и метко расстреливал взбесившихся бестий, превращая их жуткий тывкающий рык в визг, захлёбывающийся бурой землёй и собственной кровью.

Этот сюжет и лёг в основу представления героя начальством к внеочередному званию старшего сержанта, а также поощрения в виде направления на учёбу в Парадизовскую школу милиции, позже ставшую юридическим институтом, где Зебул досконально овладел навыками налогов и сборов, а после стал настраивать свои ум помрачавшие чаяния на заветную занистрианскую высь.

Кому могло прийти в голову, что псоглавец мордой может быть псина, а туловом — волк? Это прежде думали, что собакоголовые — это те, у кого пёсья голова на человеческом теле. Например, древнеегипетский бог Анубис, проводник умерших в загробный мир, святой Христофор, перенесший вброд на плечах неподъёмную чашу спасения, или Snoor Dog — рэп-певец с головой добермана.

По преданию, Господь даровал пёсью голову святому Христофору по его молитве, чтобы тому — юноше, в котором всё было прекрасно по Чехову, в том числе и лицо, — легче было противостоять многочисленным искушениям от женщин. Другое предание говорит об исходном безобразии: могучий воин, людоед-кананей, бывший родом от пёсчих глав, вброд перенёс на плечах через речку младенца, который вдруг оказался неподъёмной чашей спасения. За это свирепый великан вместо пёсьей обрёл прекраснотликую голову Христоносца.

Или речь идёт о кэпкэунах*? В поймах Прута и Днестра и до самых карпатских предгорий издревле бытовали рассказы о людоедах с двумя головами, одна из которых — пёсья, расположена на затылке; они своими наисильнейшими челюстями запросто сжёвывали детей целиком, вместе с костями.

Являлись они всякий раз, как снег на голову, даже посреди раскалённого летнего зноя, ввергая нистрианские сёла в пучины страха и отвращения, всякий раз — с разных сторон: то налегали с востока — из самого сердца Дикого поля, иссохшего в глиняный ком; или скатывались с севера, по задранной одним боком, как крышка дубового стола, Подолии. От Вольни и Львова до самых запорожских степей и дальше, в мгlistую Тьмутаракань, вёл Чёрный шлях, натоптаный копытами татарских табунов, босьми ногами нистрианских пленников. А то поднимались с юга — из черноты закоптелого от степных пожаров Буджака, или с запада, из запрутских чащоб Трансильвании и предгорий Мунтения, дикие и безудержные в безоглядном своём кровопийстве и душегубстве.

* От рум. сар — “голова”, свине — “собака”.

А откуда считать, когда головой — доберман, а телом — волк? Выходит — псоглавец, но волкособ?

Из наряда Зебул вернулся триумфальным героем, новоявленным Рэмбо “Первая кровь”. Уже много позже, когда Зебул совершал головокружительное восхождение по карьерной лестнице в налоговой инспекции, бывший его сослуживец Тофарь, навечно — до скорой пенсии — застрявший в ППС, а на пенсии окончательно спившийся, за стаканом вина по секрету рассказывал всем и каждому, что волки, которых Зебул положил из автомата на скотомогильнике, были вовсе не бешеные: по виду, действительно, жуткие, какой-то странной чёрно-коричневой масти, кудлатые, со страшными зубастыми пастьями и вытянутыми мордами. Но к Зебулу бежали они без всякой агрессии, будто питомцы к хозяину. Это-то, мол, и позволило тому, поначалу замешкавшемуся, в упор зверюг пострелять. Впрочем, образу супермилиционера, преобразённым вынырнувшего из купели волчьей крови, это ни капельки не повредило.

По горячим следам выяснилось, что злобные твари выбрали место неспроста. В самом деле, на поляне обнаружили скотомогильник, только сроку ему было не полвека, а пять лет. У одного арендатора на мокрянском коровнике пало разом всё поголовье — двадцать коров. Завезли какую-то заразу с кормами. Тот решил втихаря свой падеж переправить за реку и реализовать как говядину. Но с пограничниками договориться не получилось, и переправа сорвалась. На обратном пути нерадивый предприниматель избавился от треклятого мяса в чаще под Калагуром. Трактором, прямиком через бурелом, завёз на поляну, там туши вывалил, а следующей ночью пригнал экскаватор и зарыл свою говядину. От техники дорога в чаще и сохранилась. В Мокром обнаружился водитель трактора, который возил туши на реку, он и поведал следствию о тайне, хранимой им всю эту пятилетку, а также про то, что арендатор тот, по фамилии то ли Ковщунец, то ли Кавунец, сам не местный — из Волчинца, что на севере Молдовы, в Мокре Бог весть как очутился, вслед за бабой приехал, — водкой с ним рассчитался, а денег обещанных так и не дал, и вообще, падла, куче людей от Мокрого до Рыбницы денег остался должен и подался в бега. Ищи теперь того кощя в бессарабском его Волчинце.

(Окончание следует)